ВЕСЬ ШЕРЛОК ХОЛМС

ВАРИАЦИИ

Неизвестная рукопись Доктора Уотсона

Эллери Куин

Аннотация
НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ ДОКТОРА УОТСОНА. (ЭТЮД О СТРАХЕ). ЭЛЛЕРИ КУИН
ЭЛЛЕРИ НАЧИНАЕТ
ИЗ ЗАПИСОК ДЖОНА УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ
Глава 1.
НАБОР ХИРУРГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ
ЭЛЛЕРИ ПРОДОЛЖАЕТ
Глава 2. ЗАМОК НА БОЛОТЕ
ЭЛЛЕРИ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ
Глава 3. УАЙТЧЭПЕЛ
Глава 4. ПРИЮТ ДОКТОРА МЭРРЕЯ
ЭЛЛЕРИ ПРЕУСПЕВАЕТ
Глава 5. КЛУБ «ДИОГЕН»
ПОСЛАНЕЦ КУИНА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ
Глава 6. Я ВЫСЛЕЖИВАЮ ПОТРОШИТЕЛЯ
Глава 7. МЯСНИК ЗА РАБОТОЙ
ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ ДОКЛАДЫВАЕТ
Глава 8. ВИЗИТЕР ИЗ ПАРИЖА
ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ КУИНА СНОВА ЗАНИМАЕТСЯ

РОЗЫСКОМ
Глава 9. ЛОГОВО ПОТРОШИТЕЛЯ
ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО
Глава 10. ТИГР ИЗ «АНГЕЛА И КОРОНЫ»
ЭЛЛЕРИ ПРОЩАЕТСЯ С ГРАНТОМ ЭЙМСОМ
Глава 11. ГИБЕЛЬ КАРФАКСА
Глава 12. КОНЕЦ ДЖЕКА ПОТРОШИТЕЛЯ
ЭЛЛЕРИ СОВЕРШАЕТ ВИЗИТ В ПРОШЛОЕ
ДЕЛО ПОТРОШИТЕЛЯ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ДЖОНА Х. УОТСОНА. 12 ЯНВАРЯ 1908 ГОДА
ЭЛЛЕРИ ОБЪЯСНЯЕТ

Аннотация

Популярность Шерлока Холмса — героя романов и рассказов Артура Конан Дойла заставила многих писателей продолжить приключения великого сыщика с Бейкер-стрит. Это наиболее интересная вариация о Шерлоке Холмсе. Читателя несомненно заинтересует повесть Эллери Куин «Этюд о страхе».

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ ДОКТОРА УОТСОНА (ЭТЮД О СТРАХЕ)

ЭЛЛЕРИ КУИН

ЭЛЛЕРИ НАЧИНАЕТ

Эллери размышлял.

И довольно долго.

Потом встал, схватил десять страниц только что отпечатанного текста и разорвал их на четыре неровные части.

Он хмуро смотрел на смолкшую пишущую машинку. Она с издевкой смотрела на него.

Зазвонил телефон, и он бросился к нему.

— Ну, что ты рычишь на меня, — послышался голос, в котором звучали тоскливые нотки. — Я же развлекаюсь… как приказано.

— Отец! Это у меня сорвалось. Понимаешь, сюжет никак не вытанцовывается. Как там на Бермудах?

— Солнце печет, вода синяя, и столько песку кругом, что тошно. Я собираюсь домой.

— Ну, нет, — твердо ответил Эллери. — Эта поездка стоила мне кучу денег, и я хочу, чтобы мои расходы окупились.

Инспектор Куин жалобно вздохнул.

— Ты настоящий диктатор, когда это касается меня. Можно подумать, что я инвалид.

— Ты переутомился.

— Может, все-таки договоримся? — с надеждой в голосе спросил инспектор Куин.

— Тебе приказано расслабиться, отдыхать и ни о чем не думать.

— Ну ладно, ладно. Тут напротив моего домика идет игра — метание колец в цель. Может, сыграю.

— Давай, отец, завтра позвоню, узнаю счет.

Эллери положил трубку и с ненавистью взглянул на пишущую машинку. Проблема оставалась нерешенной. Он обогнул стол и зашагал по комнате.

Тут, к счастью, зазвонил звонок в парадную дверь.

— Оставьте сандвичи на столе, — крикнул Эллери, — и возьмите деньги.

Посетитель не послушался. Он прошел из передней в комнату, где изнывал великий человек. Эллери проворчал:

— Это вы? Я думал, это рассыльный из кулинарии.

Грант Эймс-третий с бесцеремонностью привилегированного бездельника-миллионера двинулся прямо к бару. Он сунул туда большой конверт из грубой бумаги, который держал в

руках, и взял бутылку виски и бокал.

— Кстати, я тоже кое-что принес, — объявил Эймс, — и почище ваших сандвичей. — Он уселся на диван. — Неплохое у вас виски, Эллери.

— Рад, что вам нравится. Возьмите бутылку с собой. Я работаю.

— Но я требую особого отношения к себе как ваш почитатель. Я ведь проглатываю все ваши книги.

— Которые вы берете у своих неразборчивых друзей, — проворчал Эллери.

— Это несправедливо, — сказал Грант, подливая себе виски. — Прощения будете просить, когда узнаете, зачем я пришел.

— Зачем же?

— Я ведь сказал, что принес кое-что. Вы разве не слышали?

— Что именно?

— Вон тот конверт. Возле бутылки джина.

Эллери повернул голову в указанном направлении, но Грант остановил его.

— Сперва я должен ввести вас в курс дела, Маэстро.

Снова раздался звонок в дверь. На этот раз прибыли сандвичи. Эллери вышел в прихожую и вернулся с набитым ртом.

— Почему вы не хотите работать, Грант? Устройтесь к своему отцу на один из его консервных заводов. Или наймитесь сборщиком гороха. Кем хотите, только оставьте меня в покое. Повторяю, мне надо работать.

— Не перескакивайте на другую тему, — сказал Грант-третий. — У вас там случайно не маринованный огурчик? Обожаю маринованные огурцы.

Эллери протянул ему ломтик огурца и бухнулся в кресло.

— Ну ладно, валяйте. Покончим с этим поскорее. Вы хотели ввести меня в курс дела. Какого?

— Сперва о том, с чего все началось. Вчера после обеда собралась компашка в Уэстчестере. Я в том числе. Поразмялись немного.

— Везет же людям, — сказал Эллери с завистью.

— Поплавали, поиграли в теннис и прочее. Народу было немного.

— Большинство людей имеет скверную привычку в будни после обеда работать.

— Ради Бога, не порите чушь. Меня этим не устыдите, — сказал светский повеса. — Я вам оказываю услугу. Ко мне таинственным образом попадает конверт, и я доставляю его вам на дом

согласно просьбе.

— Чьей просьбе?

Эллери еще ни разу не взглянул на конверт.

— Не имею ни малейшего представления. Когда я собрался улизнуть, то обнаружил на сиденье моего «ягуара» конверт. На нем было написано: «Передайте, пожалуйста, Эллери Куину». Сдается мне, что это человек, который до того вас боится, что не решился сделать это сам, и знает о нашей неразрывной дружбе.

— Скучная история. Послушайте, Грант, вы сами это придумали? Мне сейчас не до шуток. Сроки так поджимают, что дохнуть некогда. Пойдите лучше поболтайтесь с одной из ваших красоток.

— А конверт? — Грант вскочил, как истый атлет, взял конверт из бара и подал его Эллери. — Вот. Доставлен по назначению. Передан из рук в руки. Делайте с ним что хотите.

— А что я должен делать? — спросил Эллери кислым тоном.

— Понятия не имею. Это рукопись. Похоже, старая. Наверное, вы должны ее прочесть.

— Значит, вы посмотрели, что внутри?

— Счел своим долгом. Ведь могли писать отравленным пером или подсунуть порнографию. Подумал о вашей нравственности, дружище. Не

мог поступить иначе.

Эллери нехотя, но не без любопытства взял конверт.

— Почерк женский.

— Мне показалось, что содержание совершенно безвредное, — сказал Грант, вертя в руке бокал. — Безвредное, но примечательное.

— Стандартный конверт, — пробормотал Эллери, — для бумаги размером 8,5 на 11.

— Ей-богу, Эллери, у вас бухгалтерская душа. Вы хоть внутрь заглянули бы.

Эллери отогнул зажим и вынул из конверта тетрадь в картонном переплете, на котором крупным старомодным шрифтом было напечатано: «Для заметок».

— Действительно, — сказал он, — похоже, что тетрадь старая.

Грант с хитрой улыбкой следил за Эллери, который прочитал первую страницу, широко раскрыл глаза, перевернул ее, прочитал следующую, потом еще одну.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это, кажется, одно из приключений Шерлока Холмса, описанное доктором Уотсоном! Притом оригинал!

— Думаете, подлинник?

Стальные глаза Эллери блеснули.

— Вы ведь сказали, что прочитали рукопись?

— Не мог удержаться.

— Вы знакомы со стилем Уотсона?

— Я почитатель Шерлока Холмса, Эллери Куина, Эдди По, — сказал Грант, одобрительно разглядывая виски в бокале. — Да, пожалуй, подлинник.

— Быстро вы определяете, друг мой. — Нахмурясь, Эллери посмотрел на пишущую машинку. Она казалась такой далекой.

— Я думал, вы заинтересуетесь.

— Я бы заинтересовался, если бы тут не было подвоха. Но неизвестная история о Холмсе! — Он полистал тетрадь. — Более того, судя по всему, роман. Неизвестный роман! — Он покачал головой.

— Вы не верите, что это подлинник?

— Я перестал верить в Санта-Клауса в возрасте трех лет, Грант. Вы другое дело: Санта-Клаус одаривает вас с колыбели.

— Значит, вы думаете, это подделка?

— Пока я еще ничего не думаю. Но миллион шансов против одного, что это подделка.

— Для чего нужно было проделывать такую работу?

— Для того же, для чего люди карабкаются на горы. Из спортивного интереса.

— Ну, прочтите хотя бы первую главу.

— Грант, у меня нет времени!

— Для нового романа о Шерлоке Холмсе? — Подойдя к бару, Грант налил себе еще виски. — Я посижу здесь тихонько, попивая виски, и подожду.

Он устроился поудобнее на диване, скрестив длинные ноги.

— Черт бы вас побрал. — Эллери долго с раздражением смотрел на тетрадь, потом вздохнул, точь-в-точь как его отец, сел и принялся за чтение.

ИЗ ЗАПИСОК ДЖОНА УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Глава 1
НАБОР ХИРУРГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

— Вы совершенно правы, Уотсон. Вполне возможно, что Потрошитель — женщина.

Было ясное утро осени 1888 года. Я уже не проживал постоянно на Бейкер-стрит, 221-б. После женитьбы, взяв на себя обязанность — причем приятнейшую — материально обеспечивать жену, я возобновил врачебную практику. Поэтому прежняя тесная связь с моим другом мистером Шерлоком Холмсом сменилась редкими встречами.

Что касается Холмса, то он без всяких на то оснований утверждал, что «злоупотребляет моей отзывчивостью», когда пользуется моими услугами в качестве помощника и доверенного лица. «Вы так умеете слушать, дружище», — говорил он обычно, и это вступление всегда доставляло мне удовольствие, ибо предвещало, что мне вновь может выпасть честь разделить с ним опасности и волнения нового расследования. Благодаря

этому нить моей дружбы с великим сыщиком не обрывалась.

Моя жена, самая чуткая из женщин, воспринимала эти отношения с редким терпением. Постоянные читатели моих несовершенных повествований о делах, которые расследовал Шерлок Холмс, помнят ее как Мэри Морстен, с которой меня свела счастливая случайность, когда вместе с Холмсом я был занят делом, озаглавленным мною «Знак четырех». Преданная жена, каких мало, она коротала долгие вечера в одиночестве, пока я разбирал свои заметки о старых приключениях Холмса.

Однажды утром за завтраком Мэри сказала:

— Я получила письмо от тети Агаты.

Я отложил газету.

— Из Корнуолла?

— Да. Бедняжка. Жизнь старой девы такая одинокая. А теперь врач уложил ее в постель.

— Надеюсь, ничего серьезного.

— Она об этом не пишет. Но ей уже скоро восемьдесят, и кто знает…

— Она совершенно одна?

— Нет, с ней Бет, моя старая нянюшка, да еще работник, который следит за домом и участком.

— Приезд любимой племянницы, конечно, был

бы для нее полезнее всех лекарств мира.

— Она прямо не просит, скорее робко намекает, но я колеблюсь…

— Я думаю, тебе надо поехать, Мэри. Недельки две в Корнуолле и тебе пойдут на пользу. В последнее время ты немного побледнела.

Мои слова были вполне искренними, но отчасти они были подсказаны другой, более мрачной мыслью. Не будет преувеличением сказать, что в то утро в 1888 году всякий мужчина в Лондоне, обладающий чувством ответственности, рад был бы отправить свою жену, сестру или возлюбленную из города, представься ему такая возможность. Причина для этого была одна, и весьма веская. Ночами по улицам и темным переулкам города рыскал Джек Потрошитель.

И хотя наш тихий домик в Паддингтоне находился далеко от Уайтчэпела, где орудовал маньяк, кто мог быть спокоен? Когда речь шла об этом чудовище, логика не помогала.

Мэри задумчиво вертела конверт.

— Мне не хочется оставлять тебя одного, Джон.

— Уверяю тебя, я вполне справлюсь один.

— Но тебе тоже полезно переменить обстановку, и в твоей практике как будто затишье.

— Ты мне предлагаешь поехать с тобой?

Мэри рассмеялась.

— Упаси Бог! В Корнуолле ты бы с ума сошел от скуки. Лучше сложи чемодан и погости у своего друга Шерлока Холмса. Я знаю, что тебе всегда рады на Бейкер-стрит.

Боюсь, я не слишком сопротивлялся. Предложение Мэри было весьма соблазнительным. Итак, отправив ее в Корнуолл и быстро уладив дела, связанные с практикой, я перебрался к Холмсу, не только к своему, но, льщу себя надеждой, и к его удовольствию.

Поразительно, с какой легкостью мы возобновили заведенный распорядок. Хотя я знал, что уже не смогу довольствоваться прежней холостой жизнью, вновь обретенная близость к Холмсу была восхитительна. И это подводит меня несколько кружным путем к неожиданному восклицанию Холмса: «Никоим образом нельзя исключить возможность того, что чудовище окажется женщиной!»

Знакомая таинственная манера, и, должен признаться, я был несколько раздражен.

— Послушайте, Холмс, во имя всего святого, я ведь никак не дал вам понять, что такая мысль мелькнула у меня в голове.

Холмс улыбнулся, наслаждаясь игрой.

— Сознайтесь же, Уотсон, что это так.

— Ну, хорошо, но…

— И вы не правы, утверждая, что не выдали своих мыслей.

— Но я сидел спокойно, фактически неподвижно, и читал «Таймс».

— Ваши глаза и голова вовсе не были неподвижны. Читая, вы остановили взгляд на крайней колонке слева, в которой описывается новое злодеяние Джека Потрошителя. Немного спустя вы отвели взор от заметки и возмущенно нахмурились. Было очевидно, что вы думаете о том, как это такое чудовище безнаказанно бродит по улицам Лондона.

— Совершенно верно.

— Потом, дружище, ваш взгляд остановился на журнале «Стрэнд мэгэзин», который лежит возле вашего стула. Он раскрыт на рекламе фирмы Белделл, предлагающей вечерние туалеты для дам якобы по умеренным ценам. Один из туалетов демонстрирует манекенщица. Выражение вашего лица сразу изменилось. Оно стало задумчивым. Это выражение сохранялось до тех пор, пока вы не перевели взгляд на портрет ее величества, висящий над камином. Мгновение спустя черты вашего лица разгладились, и вы

кивнули головой. Вы укрепились в мысли, которая пришла вам на ум. В этот момент я выразил согласие с предположением, что Потрошитель может оказаться женщиной.

— Но, Холмс…

— Полноте, Уотсон. После отставки ваша проницательность притупилась.

— Но ведь когда я взглянул на рекламу в «Стрэнде», мне могла прийти в голову любая мысль.

— Не согласен. Ваш ум полностью поглощен историей Потрошителя, и, конечно, реклама дамских вечерних платьев слишком далека от ваших обычных интересов, чтобы отвлечь ваши мысли. Следовательно, идея, которая у вас возникла, должна была быть связана с вашими мыслями о злодее. Вы подтвердили это, подняв глаза на портрет королевы на стене.

— Позвольте спросить, как это могло выдать мою мысль? — воскликнул я запальчиво.

— Разумеется, Уотсон, вы не заподозрили ни манекенщицу, ни нашу милостивую королеву. Следовательно, вы рассматривали их просто как женщин.

— Допустим, — сказал я, — но разве не разумнее предположить, что я думал о них как о возможных жертвах?

— В этом случае у вас на лице появилось бы сострадание, а не выражение гончей, внезапно напавшей на след.

Я был вынужден признать поражение.

— Холмс, вы опять губите себя своей откровенностью.

Холмс нахмурил густые брови.

— Не понимаю.

— Представьте себе, какое впечатление вы производили бы, если бы отказались пояснять ваши поразительные дедукции.

— Но какой ценой для ваших мелодраматических повествований о моих скромных заслугах, — сказал он сухо.

Я поднял руки в знак капитуляции, и Холмс, который и улыбался-то не слишком часто, рассмеялся от души вслед за мной.

— Поскольку вы заговорили о Джеке Потрошителе, — сказал я, — разрешите задать вам вопрос: почему вы до сих пор не заинтересовались этим делом, Холмс? Вы оказали бы великую услугу жителям Лондона.

Холмс нетерпеливо махнул своими длинными тонкими пальцами.

— Я был занят. Как вам известно, я совсем недавно вернулся с континента, где мэр некоего

города попросил меня разгадать прелюбопытную загадку. Зная ваш склад ума, я полагаю, вы назвали бы это дело «История безногого велосипедиста». Когда-нибудь я передам вам все детали для ваших записок.

— Буду счастлив! Но вы уже вернулись в Лондон, Холмс, а чудовище терроризирует город. Я полагал, вы сочтете себя обязанным…

Холмс сказал сердито:

— Я никому и ничем не обязан.

— Прошу, поймите меня правильно…

— Сожалею, мой дорогой Уотсон, но вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы не сомневаться в моем полном безразличии к подобному делу. Разве я не искал обычно проблем интеллектуального характера? Разве меня не притягивали всегда противники крупных масштабов? Подумаешь, Джек Потрошитель! Какую особую проблему может представлять этот полоумный? Кровожадный кретин, рыскающий по улицам после наступления темноты и бьющий наугад.

— Он поставил в тупик лондонскую полицию.

— Смею заметить, что это говорит скорее о беспомощности Скотленд-Ярда, нежели об особой находчивости Потрошителя.

— Но все же…

— Это скоро кончится. Думаю, что в одну из ближайших ночей Лестрейд споткнется о Потрошителя в момент, когда маньяк будет совершать убийство, и победоносно передаст его в руки правосудия.

Скотленд-Ярд постоянно раздражал Холмса своей неповоротливостью.

Звонок в дверь прервал наш разговор. Прошло несколько минут, и мы услышали шаги миссис Хадсон, поднимавшейся по лестнице. Когда она вошла, я с удивлением увидел у нее в руках пакет в оберточной бумаге и ведро с водой. На лице ее был написан откровенный страх.

Холмс расхохотался, второй раз за утро.

— Не бойтесь, миссис Хадсон. Пакет кажется вполне безобидным. Я уверен, что вода нам не понадобится.

— Вам виднее, мистер Холмс. После прошлого случая я боялась рисковать.

— Ваша осторожность весьма похвальна, — сказал Холмс, беря пакет.

Когда его многострадальная хозяйка ушла, он пояснил:

— Совсем недавно миссис Хадсон принесла мне пакет. Это было после того, как я привел к благополучному исходу одно пренеприятное дельце, и

пакет был послан мстительным джентльменом, который недооценил остроту моего слуха. Я услышал тиканье механизма и попросил ведро воды. Этот инцидент так перепугал миссис Хадсон, что она до сих пор не оправилась.

— Неудивительно!

— Ну, так что же нам принесли? Хм, размер примерно пятнадцать дюймов на шесть. Четыре дюйма толщины. Аккуратная упаковка. Простая оберточная бумага. Почтовый штемпель Уайтчэпела. Фамилия и адрес написаны рукой женщины, которая, я бы сказал, редко держит перо в руках.

— Весьма возможно, судя по каракулям. И почерк, несомненно, женский.

— Значит, вы согласны, Уотсон? Прекрасно! Заглянем внутрь?

— Разумеется.

Появление пакета вызвало живой интерес Холмса. Я уж не говорю о себе. Его глубоко посаженные серые глаза заблестели, когда, он, развернув бумагу, достал плоский кожаный футляр и протянул его мне.

— Что вы скажете по этому поводу, Уотсон?

— Это набор хирургических инструментов.

— Кому лучше знать, чем вам! Не считаете ли

вы, что это дорогая вещь?

— Да, кожа высшего качества. И работа превосходная.

Холмс положил футляр на стол. Он открыл его, и мы замолчали. Это был стандартный набор инструментов. Каждый из них покоился в соответствующем углублении в темно-красном бархате, которым футляр был обит изнутри. Одно углубление было пусто.

— Какого инструмента недостает, Уотсон?

— Большого скальпеля.

— Ножа для вскрытия, — кивнул Холмс, протирая увеличительное стекло. — О чем же говорит нам этот футляр? — Он внимательно осмотрел сам футляр и его содержимое. — Начнем с очевидного: эти инструменты принадлежали медику, который впал в нужду.

Вынужденный, как обычно, признать свою слепоту, я пробормотал:

— Боюсь, что это более очевидно для вас, чем для меня.

Занятый осмотром, Холмс ответил рассеянно:

— Если бы вы оказались в стесненных обстоятельствах, Уотсон, что из своего имущества вы отнесли бы в ломбард в последнюю очередь?

— Конечно, мои медицинские инструменты,

но…

— Вот именно.

— Почему вы считаете, что эти инструменты были заложены?

— Имеются два доказательства. Посмотрите вот сюда через увеличительное стекло.

Я посмотрел на указанное место.

— Вижу белое пятнышко.

— Это порошок для чистки серебра. Ни один хирург не станет чистить инструмент таким порошком. Эти же были начищены, как простые столовые приборы, кем-то, кого заботил только их внешний вид.

— После вашего объяснения не могу не согласиться. Какое же второе доказательство?

— Видите пометку мелом на боковой плоскости футляра? Она почти стерлась, но если вы присмотритесь, то увидите, что это номер. Такой номер ростовщик обычно пишет мелом на закладываемом предмете. Очевидно, он соответствует номеру на квитанции.

Я почувствовал, как краска бросилась мне в лицо. Теперь это было ясно, как день.

— Значит, футляр был украден! — воскликнул я. — Украден у хирурга и заложен за гроши в ломбарде.

Я уверен, что читатели простят мое негодование: мне было трудно поверить, что врач, даже при самых стесненных обстоятельствах, расстанется с инструментами, необходимыми для его благородной миссии.

Холмс, однако, не замедлил вывести меня из заблуждения.

— Боюсь, мой дорогой Уотсон, — сказал он жизнерадостным тоном, — что вы не улавливаете более тонкого смысла этой вещественной улики. Ростовщики — хитрые бестии. Они оценивают не только вещи, но и людей, которые их приносят. Это их профессиональная черта. Если бы ростовщик питал малейшее подозрение, что набор украден, он бы не выставил его в витрине, что, как вы, конечно, заметили, он сделал.

— Конечно, не заметил! — воскликнул я. — Откуда вы можете знать, что футляр лежал на витрине?

— Посмотрите внимательно, — сказал Холмс. — Футляр лежал в раскрытом виде в месте, куда падало солнце. Разве не свидетельствует об этом выгоревшая полоска на бархатной обивке с внутренней стороны крышки? Более того, этот край настолько выцвел, что, видимо, футляр пролежал там довольно долго.

Я мог лишь кивнуть. Как всегда, стоило Холмсу пояснить свои поразительные наблюдения, как они начинали казаться примитивно простыми.

— Жаль, — сказал я, — что мы не знаем, где находится ломбард, а то, пожалуй, стоило бы выяснить, откуда появился этот любопытный подарок.

— Быть может, в свое время выясним, Уотсон, — сказал Холмс с отрывистым смешком. — Ломбард, о котором идет речь, находится вдали от людных улиц. Он смотрит на юг и расположен на узкой улочке. Дела ростовщика отнюдь не блестящи. Можно еще отметить, что он родом иностранец. Вы, конечно, видите все это?

— Ничего подобного я не вижу, — сказал я, вновь уязвленный.

— Напротив, — проговорил Холмс, соединяя кончики пальцев и ласково глядя на меня, — вы все это видите, мой дорогой Уотсон, но вы не делаете никаких выводов. Разберем мои заключения по порядку. Эти инструменты были бы с радостью приобретены одним из многочисленных студентов-медиков в Лондонском Сити, что, несомненно, произошло бы, находись ломбард на большой проезжей улице. Отсюда я делаю вывод, что он расположен поодаль от людных улиц.

— Но почему именно на южной стороне узкой улочки?

— Обратите внимание на то, где находится выгоревшее место. Это ровная полоска у верхнего края бархатной подкладки. Следовательно, солнце падало на открытый футляр, когда находилось в зените, и здания на противоположной стороне улицы не закрывали его лучи. Значит, ломбард находится на южной стороне узкой улицы.

— А как вы определили, что ростовщик по происхождению иностранец?

— Взгляните на цифру семь в номере закладной, написанной мелом сбоку футляра. Вертикальную палочку перекрещивает короткая перекладина. Только иностранцы перекрещивают семерки таким образом.

Я снова почувствовал себя как пятиклассник, забывший слова национального гимна.

— Холмс, Холмс, — сказал я, качая головой, — я никогда не перестану вам удивляться…

Но он не слушал. Он вновь нагнулся над футляром и просунул щипчики под бархатную подкладку. Она поддалась, и он отогнул ее.

— Ага! Что это, не попытка ли сокрытия?

— Сокрытия чего? Пятен? Царапин?

— Вот чего, — сказал он, указывая своим тон-

ким длинным пальцем.

— Да ведь это герб!

— И, признаюсь, мне неизвестный. Поэтому, Уотсон, будьте добры, подайте мне «Справочник пэров» Бэрка.

В то время, как я послушно направился к книжным полкам, он продолжал рассматривать украшение наверху гербового щита, бормоча себе под нос: «Тиснение по коже футляра. Поверхность по-прежнему в прекрасном состоянии». Он распрямился.

— Ключ к личности человека, которому принадлежал набор инструментов.

— Он, видимо, аккуратно обращался со своими вещами.

— Возможно, но я имел в виду…

Он не закончил фразу. Я протянул ему справочник Бэрка, и он начал быстро листать его.

— Нашел!

Бегло рассмотрев герб, Холмс закрыл книгу, положил ее на стол и сел на стул, уставившись в одну точку своим пронзительным взглядом.

Я не мог больше скрывать нетерпение.

— Чей это герб, Холмс?

— Прошу прощения, Уотсон, — сказал Холмс, очнувшись, — Шайрса. Кеннета Осборна, герцога

Шайрского.

Это имя было мне хорошо известно, как, впрочем, всей Англии.

— Блестящий род.

Холмс рассеянно кивнул.

— Его владения, если не ошибаюсь, находятся в Девоншире, на краю болот, среди охотничьих угодий, пользующихся популярностью у спортсменов-аристократов. Помещичий дом — внешне он скорее напоминает феодальный замок — стоит уже четыреста лет, классический образец готического стиля. Я мало знаком с историей Шайрсов, если не считать того общеизвестного факта, что это имя никогда не было связано с преступным миром.

— Значит, Холмс, — сказал я, — мы снова возвращаемся к первоначальному вопросу.

— Поистине так.

— А именно, почему вам послали этот набор инструментов?

— Трудный вопрос.

— Может быть, объяснительное письмо задержалось?

— Не исключено, что вы попали в точку, Уотсон, — сказал Холмс. — Поэтому я предлагаю предоставить лицу, приславшему его, немного

времени, скажем, до… — он сделал паузу и протянул руку за потрепанным Брэдшоу, отличным справочником движения английских поездов, — до завтра, 10.30 утра. Если к этому времени мы не получим объяснения, нам придется отправиться на Паддингтонский вокзал и сесть на девонширский экспресс.

— С какой целью, Холмс?

— С двоякой. Во-первых, короткое путешествие по сельской местности в это время года, когда природа меняет краски, подействует освежающе на двух замшелых лондонцев.

— А во-вторых?

Аскетическое лицо Холмса озарилось странной улыбкой.

— Справедливость требует, — сказал мой друг Холмс, — чтобы собственность герцога Шайрского была возвращена ему, не правда ли? — Он вскочил и взял в руки скрипку.

— Погодите, Холмс! — воскликнул я. — Здесь что-то кроется, о чем вы мне не сказали.

— Нет, нет, мой дорогой Уотсон, — сказал он, отрывисто ударяя смычком по струнам. — Просто у меня такое предчувствие, что нам предстоит трудное плавание.

ЭЛЛЕРИ ПРОДОЛЖАЕТ

Эллери оторвался от рукописи. Грант Эймс-третий продолжал потягивать виски.

— В конце концов печень вас подведет, — сказал Эллери.

— Брюзга вы, больше никто, — ответил Эймс. — Но в данный момент, сынок, я чувствую себя частицей истории. Актер на великой сцене.

— Который пьет горькую?

— Скажите, какой моралист. Я говорю о рукописи. В 1888 году Шерлок Холмс получил таинственный набор хирургических инструментов. Он мобилизовал свои выдающиеся способности и пустился в одно из своих замечательных приключений. Три четверти века спустя другой пакет приносят другому знаменитому сыщику.

— К чему вы клоните? — проворчал Эллери, явно раздираемый между рукописью доктора Уотсона и бездействующей пишущей машинкой.

— Единственное, что остается сделать, чтобы завершить историческую аналогию, это нацелить современный талант на современные приключения. Действуйте, мой дорогой Эллери.

А я сыграю роль Уотсона.

Эллери поморщился.

— Конечно, вы можете усомниться в моей пригодности. Но, должен сказать, что я тщательно следил за каждым шагом великого детектива.

Эллери наконец пробрало. Он неприязненно посмотрел на своего гостя.

— Ах, так? Такой вы умник! Ладно, проверим. Кавычки открываются: «Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством…

— Рональда Адэра». Кавычки закрываются, — быстро подхватил Эймс. — «Пустой дом» из «Возвращения Шерлока Холмса».

— Кавычки открываются: «В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий…

— Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона». Кавычки закрываются. «Конец Чарльза Огастеса Милвертона».

— Браво, Уотсон! Кавычки открываются: «Это люди, придавленные, но не растоптанные, опустившиеся на дно общества, но не низкие».

— Кавычки закрываются. — Светский повеса зевнул. — Оставьте ваши детские попытки поймать меня. Вы процитировали себя из «Игрока

противной стороны».

Эллери усмехнулся. Оказывается, этот субъект интересуется не только самодовольными красотками и дорогим виски.

— Очко в вашу пользу. Но я уверен, что смогу подловить вас.

— И я уверен, что сможете, если потянете подольше, но это ни к чему. Приступайте к делу, мистер Куин. Вы прочли первую главу рукописи? Если вы неспособны на куиновские дедукции, никогда больше не возьму у знакомых ни одной вашей книжки.

— Единственное, что я могу сказать в данный момент, — это, что почерк, который якобы принадлежит Уотсону, аккуратный, твердый, но временами неразборчивый.

— Далеко вам до Холмса, дружище. Вопрос состоит в том, действительно ли это почерк Уотсона? Подлинная ли это рукопись? А ну-ка, Куин, продемонстрируйте свои способности.

— Да замолчите вы наконец! — воскликнул Эллери и принялся читать дальше.

Глава 2
ЗАМОК НА БОЛОТЕ

В более поздний период своей жизни мой друг Шерлок Холмс, как я писал в другом месте, удалился от лихорадочного темпа жизни Лондона и завел — подумать только! — пчел в Саут-Даунсе. Он таким образом закончил свою карьеру без всяких сожалений, посвятив себя этому виду сельской деятельности с той же целеустремленностью, с какой он выследил столь многих хитрейших преступников.

Но в ту пору, когда Джек Потрошитель орудовал на улицах и в переулках Лондона, Холмс был еще убежденным горожанином. Все его способности были настроены на смутные нюансы лондонских рассветов и сумерек. Омерзительная вонь какого-нибудь закоулка в Сохо заставляла его ноздри трепетать, тогда как запах весны, пробуждавший сельских жителей, мог привести его в сонное состояние.

Поэтому я с удивлением и удовлетворением наблюдал, с каким интересом Холмс всматривался в пейзаж, мелькавший за окном экспресса,

который мчал нас в то утро в Девоншир. Он сосредоточенно смотрел в окно и внезапно распрямил свои худые плечи.

— Ах, Уотсон, как бодрит свежий воздух приближающейся зимы.

В тот момент я не разделял этого мнения, ибо воздух в купе был отравлен вонючей сигарой, которую держал в зубах старый хмурый шотландец, ехавший вместе с нами. Холмс, казалось, не замечал дурного запаха. За окном вспыхивали яркие осенние краски листьев.

— О, Англия, Уотсон, сей второй Эдем, почти что рай!

Я узнал перефразированную цитату[1] и был вдвойне поражен. Мне, конечно, была известна сентиментальная жилка в характере моего друга, но он редко допускал, чтобы она пробила броню научного склада его натуры. И все же гордое сознание принадлежности к своей стране по праву рождения — это национальная черта британца, и Холмс не был исключением.

По мере того как мы приближались к цели нашего путешествия, его жизнерадостный вид сменился задумчивой миной. Мы проезжали по

---

[1] Примечания: 1

Уильям Шекспир. «Ричард II», акт II.

болотистой местности, вдоль бесконечной трясины и вязких кочек, которые, подобно струпьям, уродовали лицо Англии. И словно природа решила создать подобающий фон, солнце скрылось за густыми облаками, и, казалось, мы погрузились в вечные сумерки.

Вскоре мы сошли на платформу небольшой деревенской станции. Холмс засунул руки в карманы, его глубоко посаженные глаза горели, как это часто бывало, когда он был захвачен очередной проблемой.

— Вы помните дело Баскервилей, Уотсон, и проклятие, которое омрачало их жизнь?

— Еще бы.

— Мы находимся недалеко от их владений. Но, конечно, мы направляемся в противоположную сторону.

— Тем лучше. Эта собака — порождение ада — все еще преследует меня во сне.

Я был заинтригован. Обычно, когда Холмс приступал к расследованию, он тщательно осматривал окружающую местность, мгновенно замечал каждую сломанную ветку и не обращал внимания на пейзаж. В такие моменты воспоминания были бы неуместны. Теперь его движения были нервными, беспокойными, словно он жалел, что

поддался импульсу и отправился в путешествие.

— Уотсон, — сказал он, — давайте наймем повозку и побыстрее покончим с этим делом.

Пони, которого мы заполучили, несомненно, был сродни тем диким лошадкам, которые носились среди болот, но был достаточно послушным и резво бежал по дороге от деревни к владениям Шайрсов.

Вскоре показались башни замка Шайрс, придававшие еще более меланхолический вид местности.

— Охотничьи угодья там, дальше, — заметил Холмс. — Земли герцога разнообразны.

Он обвел взглядом представившуюся нам картину и добавил:

— Сомневаюсь, Уотсон, чтобы в этой зловещей каменной махине нас встретил веселый краснощекий хозяин.

— Почему вы так думаете?

— Люди с длинной родословной обычно отражают колорит окружающей среды. Вспомните Баскервиль-холл: там не было ни одного жизнерадостного лица.

Я не стал возражать. Мое внимание было приковано к унылой серой громаде замка. Некогда он был окружен рвом и имел подъемный мост.

Однако нынешние поколения вверили защиту своей жизни местной полиции. Ров был засыпан, и цепи подъемного моста не издавали скрипа уже много лет.

Дворецкий провел нас в холодную сводчатую гостиную, спросив наши имена, как Харон, переправлявший через Стикс. Вскоре я убедился в точности предсказаний Холмса. Более холодного и неприступного человека, чем герцог Шайрский, мне редко приходилось встречать.

Он был небольшого роста и производил впечатление чахоточного. Но это мне только показалось. При ближайшем рассмотрении у него оказался вполне здоровый цвет лица, и я почувствовал жилистую силу в его внешне хрупком теле.

Герцог не предложил нам сесть. Он отрывисто сказал:

— Вам повезло, что застали меня здесь. Еще час, и я уехал бы в Лондон. По какому вы делу?

Тон Холмса не выдавал его реакцию на дурные манеры аристократа.

— Мы постараемся не злоупотребить вашим временем дольше, чем это необходимо, ваша светлость. Мы приехали лишь для того, чтобы передать вам это.

Он протянул футляр с хирургическими ин-

струментами, который мы завернули в простую оберточную бумагу и запечатали сургучом.

— Что это такое? — спросил герцог, не двигаясь.

— Я думаю, ваша светлость, — ответил Холмс, — что вам лучше самому вскрыть пакет и посмотреть.

Нахмурясь, герцог Шайрский развернул пакет.

— Где вы это взяли?

— К сожалению, я должен сперва просить вашу светлость опознать это как вашу собственность.

— Я никогда не видел этого раньше. Почему вам пришло в голову принести это мне?

Герцог открыл крышку и смотрел на инструменты, казалось, с неподдельным удивлением.

— Если вы отогнете подкладку, то обнаружите под ней причину, побудившую нас сделать это.

Герцог последовал совету Холмса, по-прежнему сохраняя недовольный вид. Я внимательно следил за тем, как он рассматривал герб, и наступила моя очередь удивляться. Выражение его лица изменилось. Тень улыбки тронула его тонкие губы, глаза оживились, и он смотрел на футляр с глубоким удовлетворением, чуть ли не с торжеством — иначе я не мог охарактеризовать его взгляд. Затем столь же быстро это выражение

исчезло.

Я взглянул на Холмса в поисках объяснения, зная, что он не мог не заметить реакции аристократа. Но его проницательные глаза были полуприкрыты веками, лицо непроницаемо, как маска.

— Я уверен, ваша светлость, что вы получили ответ на свой вопрос, — сказал Холмс.

— Конечно, — ответил герцог небрежным тоном, словно отметая это дело как не представляющее никакого интереса. — Этот футляр мне не принадлежит.

— Тогда, быть может, ваша светлость укажет нам владельца?

— Полагаю, что это мой сын. Футляр, без сомнения, принадлежал Майклу.

— Он взят из лондонского ломбарда.

Герцог скривил губы в жестокой усмешке.

— Не сомневался в этом.

— В таком случае, если вы дадите нам адрес вашего сына…

— Сын, о котором я говорю, мистер Холмс, *умер*. Это мой младший сын.

Холмс мягко сказал:

— Я искренне сожалею, ваша светлость. Он умер от болезни?

— От очень тяжелой болезни. Он *умер* уже шесть месяцев назад.

Ударение, которое аристократ делал на слове «умер», показалось мне странным.

— Ваш сын был врачом? — спросил я.

— Он учился на медицинском факультете, но потерпел неудачу, как, впрочем, во всем остальном. И поэтому он *умер*.

Снова это странное ударение. Я посмотрел на Холмса, но его, казалось, больше интересовало пышное убранство этой сводчатой комнаты: взгляд его перескакивал с одного предмета на другой, а мускулистые руки были сцеплены за спиной.

Герцог Шайрский протянул футляр Холмсу.

— Поскольку, сэр, это не моя вещь, я возвращаю ее вам. А теперь прошу меня извинить, я должен собираться в дорогу.

Я был удивлен поведением Холмса. Бесцеремонное обращение с нами герцога не вызвало у него ни малейшего возмущения, хотя обычно Холмс не позволял никому топтать его коваными сапогами. Он почтительно поклонился и сказал:

— Не будем вас более задерживать, ваша светлость.

Поведение герцога было по-прежнему грубым.

Он и не подумал дернуть шнурок звонка, чтобы позвать дворецкого, и нам пришлось самим отправиться на поиски выхода.

Как оказалось, нам повезло. Когда мы пересекали величественный холл, направляясь к наружной двери, из бокового входа вошли двое — мужчина и ребенок.

В отличие от герцога их вид не был враждебным.

Ребенок — девочка лет девяти-десяти — посмотрела на нас, и радужная улыбка осветила ее бледное личико. Мужчина, подобно герцогу, был хрупкого телосложения. Быстрый взгляд его больших блестящих глаз устремился на нас с вопросом, но выражал не более чем любопытство. Его смутное сходство с герцогом Шайрским позволяло сделать лишь один вывод. Это был другой его сын.

Появление этой пары не показалось мне чем-то необычайным, но, как видно, смутило моего друга Холмса. Он резко остановился, и футляр с инструментами, который он нес, упал. Рассыпавшиеся стальные инструменты загремели на каменном полу, и эти звуки отозвались во всем громадном холле.

— Какой же я неуклюжий! — воскликнул Холмс

и с еще большей неуклюжестью загородил мне дорогу, когда я хотел собрать инструменты.

Мужчина с улыбкой подскочил и, опустившись на колени, сказал:

— Позвольте мне, сэр.

Столь же поспешно подбежала и девочка.

— Я помогу тебе, папа.

Мужчина улыбнулся еще шире.

— Конечно, дорогая. Мы вместе поможем джентльмену. Ты можешь подавать мне инструменты. Но осторожно, смотри не порежься.

Мы молча наблюдали, как девочка подавала отцу блестящие инструменты один за другим. Его трогательная любовь к ней была очевидна. Он нехотя отрывал от нее взор, когда быстро клал инструменты в соответствующие углубления.

Покончив с этим, мужчина поднялся, но девочка продолжала осматривать каменные плиты пола.

— А последний, папа, куда делся?

— Похоже, что его не хватает, детка. Я не думаю, что он закатился.

Он вопросительно посмотрел на Холмса, который наконец вышел из странной задумчивости.

— Вы правы, сэр, его не хватает. Благодарю вас, и простите мою неловкость.

— Пустяки. Надеюсь, инструменты не пострадали. — Он протянул футляр Холмсу, который взял его с улыбкой.

— Не имею ли чести беседовать с лордом Карфаксом?

— Да, — приветливо ответил темноволосый мужчина, — а это моя дочь Дебора.

— Позвольте мне представить своего коллегу доктора Уотсона. Я Шерлок Холмс.

Это имя, видимо, произвело впечатление на лорда Карфакса. Его глаза расширились от удивления.

— Доктор Уотсон, — пробормотал он, здороваясь со мной, но продолжая смотреть на Холмса, — и вы, сэр… Весьма польщен. Я читал о ваших подвигах.

— Ваша светлость слишком добры, — ответил Холмс.

Глаза Деборы засверкали. Она сделала реверанс и сказала:

— Для меня это тоже большая честь, джентльмены.

Она говорила с трогательной непосредственностью. Лорд Карфакс с гордостью наблюдал за ней, и все же я чувствовал в его облике какую-то грусть.

— Дебора, — сказал он серьезно, — ты должна запомнить знакомство с двумя знаменитыми джентльменами как значительное событие в твоей жизни.

— Конечно, папа, — ответила девочка с готовностью и послушанием.

Я был совершенно уверен, что она не слыхала ни об одном из нас.

Холмс закончил обмен любезностями, сказав:

— Мы приехали, ваша светлость, чтобы вернуть этот футляр с инструментами герцогу Шайрскому, которого я считал его законным владельцем.

— И обнаружили, что ошибались.

— Именно. Его светлость полагает, что, может быть, он принадлежал вашему покойному брату Майклу Осборну.

— Покойному? — Его восклицание прозвучало скорее как усталая реакция, нежели как вопрос.

— Так нам дали понять.

Лицо лорда Карфакса приняло печальное выражение.

— Это так и не так. Мой отец, мистер Холмс, жесткий человек, не умеющий прощать, как вы, несомненно, заметили. Для него имя Осборна превыше всего. Он одержим желанием сохранить репутацию Шайрсов незапятнанной. Когда около

шести месяцев тому назад он отрекся от моего младшего брата Майкла, то объявил его умершим. — Помолчав, он вздохнул. — Боюсь, что для отца Майкл мертв, даже если он еще жив.

— А вам известно, — спросил Холмс, — жив или умер ваш брат?

Лорд Карфакс нахмурился и стал удивительно похож на герцога. Когда он заговорил, мне показалось, что тон его был уклончив.

— Скажем так, сэр: я не располагаю фактическими доказательствами его смерти.

— Понятно, — ответил Холмс. Затем взглянул на маленькую Дебору Осборн и улыбнулся. Девочка шагнула вперед и протянула ему свою ручку.

— Вы мне очень понравились, сэр, — сказала она серьезно.

Холмс был явно смущен этим простодушным и трогательным признанием. Он задержал ее руку в своей и сказал:

— Допустим, лорд Карфакс, что ваш отец — непреклонный человек. И все же отречься от сына! Подобное решение не так просто принять. Поступок вашего брата, наверное, был действительно серьезным.

— Майкл женился против воли отца. — Лорд Карфакс пожал плечами. — Я не имею привыч-

ки, мистер Холмс, обсуждать дела моей семьи с незнакомыми людьми, но… — Он погладил блестящие волосы дочери. — Дебора — мой барометр оценки людей.

Я был уверен, что его светлость спросит, почему Холмс интересуется Майклом Осборном, но он этого не сделал.

Холмс, кажется, тоже ожидал этого вопроса. Поскольку он не последовал, Холмс протянул лорду Карфаксу футляр с инструментами.

— Может быть, вы хотели бы взять это себе, ваша светлость?

Лорд Карфакс взял футляр и молча поклонился.

— А теперь… Боюсь, поезд не будет ждать… нам пора идти. — Холмс посмотрел вниз с высоты своего роста. — Прощайте, Дебора. Знакомство с вами было для нас с доктором Уотсоном одним из самых приятных событий за долгое время.

— Надеюсь, вы приедете еще, сэр, — ответила девочка. — Когда папа уезжает, здесь так тоскливо.

Пока мы ехали обратно в деревню, Холмс почти все время молчал. Он односложно отвечал на мои замечания и заговорил только, когда мы уже ехали в Лондон. Его худощавое лицо приняло

хорошо мне знакомое задумчивое выражение.

— Интересный человек, Уотсон.

— Может быть, — ответил я запальчиво, — но препротивный. Именно люди его положения — слава Богу, их немного! — пятнают репутацию английской аристократии.

Мое возмущение позабавило Холмса.

— Я имею в виду не pater'a, a filius'a.

— Сына? Меня, конечно, тронула несомненная любовь лорда Карфакса к дочери…

— Но вам не показалось, что он слишком откровенен?

— Именно такое впечатление у меня сложилось, Холмс, хотя я не понимаю, как вы об этом догадались.

— Ваше лицо подобно зеркалу, мой дорогой Уотсон, — сказал Холмс.

— Он даже сам признал, что слишком много рассказал о личных делах членов своей семьи.

— Так ли это? Допустим сперва, что он глупый человек. В таком случае это просто любящий отец со слишком длинным языком.

— А если допустить, что он вовсе не глуп?

— Тогда он создал именно тот образ, который хотел создать, чему я склонен верить. Ему известны мое имя и репутация, так же как и ваши,

Уотсон. Я сильно сомневаюсь, что он принял нас за добрых самаритян, проделавших столь долгий путь лишь для того, чтобы отдать законному владельцу старый футляр с хирургическими инструментами.

— Почему же это должно было развязать ему язык?

— Он не сказал нам ничего такого, дружище, чего я без того не знал или не мог легко найти в архивах любой лондонской газеты.

— О чем же он умолчал?

— Мертв его брат Майкл или жив, и поддерживает ли он контакт с братом.

— Из сказанного им я заключаю, что он этого не знает.

— Возможно, Уотсон, он как раз и хотел, чтобы вы пришли к такому заключению. — Прежде чем я успел ответить, Холмс продолжал. — Дело в том, что перед отъездом в Шайрс я кое-что разузнал. Кеннет Осборн, герцог по прямой линии, имел двух сыновей. Младший Майкл, конечно, не наследует никакого титула. Не знаю, вызывало ли это у него чувство зависти, но он вел себя так, что лондонские журналисты дали ему прозвище Буйный. Вы говорили о жестокой нетерпимости его отца, Уотсон. Напротив, известно, что герцог

был необычайно снисходителен к младшему сыну. И только когда юноша женился на женщине самой древней профессии, другими словами, на проститутке, терпению отца пришел конец.

— Я начинаю понимать, — пробормотал я, — движимый злобой или ненавистью, сын решил запятнать титул, который не мог унаследовать.

— Может быть, — сказал Холмс. — Во всяком случае, герцогу было трудно сделать другой вывод.

— Я этого не знал, — сказал я смиренно.

— Вполне естественно, мой дорогой Уотсон, брать сторону обиженного. Но разумнее сначала разобраться, кто в действительности обижен. Что касается герцога, я согласен, что он трудный человек, но он несет свой крест.

— Значит, моя оценка лорда Карфакса тоже ошибочна, — сказал я почти с отчаянием.

— Не знаю, Уотсон. У нас очень мало фактов. Однако он допустил два просчета.

— Я этого не заметил.

— Он также.

Мои мысли были сосредоточены на более широкой проблеме.

— Холмс, — сказал я, — вся эта история очень странная и непонятная. Надо полагать, что наша

поездка была вызвана не просто желанием вернуть владельцу утерянную вещь?

Он смотрел в окно вагона.

— Набор хирургических инструментов был доставлен нам домой. Сомневаюсь, чтобы нас приняли за бюро находок.

— Но кто его послал?

— Кто-то, кто хотел, чтобы он попал нам в руки.

— Тогда мы можем только гадать.

— Конечно, Уотсон, я не рискую утверждать, что чую здесь хитрую игру. Но запашок сильный. Не исключено, что ваше желание исполнится.

— Какое желание?

— Вы, кажется, недавно предлагали, чтобы я оказал помощь Скотленд-Ярду в деле Джека Потрошителя.

— Холмс!..

— Конечно, нет никаких улик, которые связывали бы Потрошителя с набором хирургических инструментов. Но скальпель отсутствует.

— Я сам подумал об этом. Господи, ведь даже сегодня ночью его могут всадить в тело какой-нибудь несчастной.

— Это одна из возможностей, Уотсон. Скальпель мог быть изъят и символически — тонкий намек

на преступного маньяка.

— Почему же тот, кто послал инструменты, не объявился?

— Причин может быть множество. Но одной из главных я считаю страх. Думаю, что со временем мы узнаем правду.

Холмс погрузился в размышления — состояние, которое мне было хорошо известно. Я знал, что сейчас бесполезно продолжать расспросы. Откинувшись на спинку сиденья, я угрюмо смотрел в окно, а поезд мчал нас к Паддингтонскому вокзалу.

ЭЛЛЕРИ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ

Эллери поднял глаза от рукописи.

Грант Эймс, приканчивая энный бокал, с нетерпением спросил:

— Ну, как?

Эллери встал, подошел к книжному шкафу. Нахмурившись, он стал искать что-то в книге, которую снял с полки. Грант ждал. Эллери поставил книгу на место, снова сел.

— Кристиансоновская.

Грант смотрел на него, не понимая.

— Согласно справочнику, фирма «Кристиансон» была известным производителем писчебумажных принадлежностей тех времен. На бумаге тетради ее водяной знак.

— Значит, сомнений нет!

— Не в этом дело. Кто-то пытается навязать мне рукопись, но я ее не беру. Если это подлинник, я не могу себе этого позволить. Если это подделка…

Эллери рассеянно подергал себя за нос.

— Вы уверены, что ее положили в вашу машину во время той поездки?

— Больше негде было.

— Надпись сделана женщиной. А сколько там было женщин?

Грант пересчитал по пальцам.

— Четыре.

— Не было ли в их числе книжного червя? Коллекционера? Библиофила? Старушки — синего чулка, от которой пахнет лавандой и мускусом?

— Господь с вами! Четыре юные смазливые милашки, которые старались выглядеть как можно более соблазнительно. В погоне за мужьями, естественно. Честно говоря, Эллери, не думаю, чтобы хоть одна из них могла отличить Шерлока Холмса от Аристофана. Но вы с вашими сверхъестественными способностями могли бы найти виновницу за один вечер.

— Послушайте, Грант, в другое время я бы взялся за игру. Но я вам сказал: у меня очередная запарка. Просто нет ни минуты свободной.

— Значит, на этом вы ставите точку, Маэстро? Можно подумать, что вы литературный поденщик. Я ему даю в руки потрясающую таинственную историю…

— А я, — сказал Эллери, бросая тетрадь на колени Гранту Эймсу, — возвращаю ее вам. У меня есть предложение. Ставьте бокал и бегите сами искать свою шутницу.

— Значит, рукопись вас не захватила?

— Захватила, что говорить. — Эллери нерешительно снова взял тетрадь.

— Узнаю старого друга! — Эймс встал. — Почему, собственно, мне не оставить рукопись здесь? В конце концов она адресована вам. А я могу время от времени сюда заглядывать.

— Лучше пореже.

— Очень любезно… Ладно, постараюсь беспокоить вас поменьше.

— Чем меньше, тем лучше. А теперь не пора ли вам отчаливать, Грант? Я серьезно.

— Вся беда, дружище, в том, что вы мрачная личность. Сплошная скука. — Эймс обернулся в дверях. — Кстати, закажите еще виски. Ваши запасы кончились.

Оставшись один, Эллери постоял в нерешительности, потом положил тетрадь на диван и направился к письменному столу. Он посмотрел на машинку, она на него. Покрутился на вращающемся кресле. Подвинул кресло ближе к столу. Снова потянул себя за нос.

Тетрадь спокойно лежала на диване.

Эллери вставил чистый лист в пишущую машинку. Поднял кисти рук, размял пальцы, задумался и кончил тем, что быстро напечатал

шуточную сентенцию:

«Господь, — сказал Никки, — любит охотно лающего»[2].

— Ладно, — проговорил Эллери, — еще одну только главу.

Он вскочил, подбежал к дивану, схватил рукопись, открыл ее на главе 3 и погрузился в чтение.

[2] Примечания: 2

Эллери Куин сочинил «спунеризм» — своего рода шутку или остроту, основанную на перестановке обычно первых букв двух или более слов. От фамилии английского священника Спунера (1844—1930), который придумал эту шуточную игру слов (прим. перев.).

Глава 3
УАЙТЧЭПЕЛ

— Между прочим, Холмс, куда подевался Уиггинс?

Я задал этот вопрос на следующее утро в квартире на Бейкер-стрит. Накануне вечером, по возвращении из замка Шайрс, мы поужинали в буфете на вокзале, после чего Холмс сказал:

— Сегодня вечером в Альберт-холле концерт молодого американского пианиста Бентона. Я всячески рекомендую его, Уотсон.

— Не знал, что в Штатах есть выдающиеся пианисты.

Холмс рассмеялся.

— Полно, дружище, перестаньте нападать на американцев. Прошло уже больше столетия, и они неплохо справляются там у себя.

— Вы хотите, чтобы я вас сопровождал? С радостью.

— Я предлагаю вам пойти на концерт. Мне надо кое-что расследовать, что лучше сделать вечером.

— В таком случае я предпочитаю кресло у ка-

мина и одну из ваших увлекательных книг.

— Рекомендую книгу, которую я недавно приобрел: «Хижина дяди Тома». Автор — американская леди по фамилии Стоу. Печальная история, написанная, чтобы побудить нацию исправить великую несправедливость. Насколько мне известно, именно она была одной из причин войны между штатами. Ну, мне пора. Может быть, позднее я присоединюсь к вам, и выпьем по рюмочке перед сном.

Холмс, однако, вернулся очень поздно, когда я уже спал. Он не стал будить меня, так что мы встретились уже за завтраком. Я надеялся, что он расскажет, чем был занят весь вечер, но он молчал и вообще, видимо, не спешил действовать. Он сидел за чаем в мышиного цвета халате и, лениво развалясь, пускал клубы дыма из своей любимой глиняной трубки.

Внезапно послышался топот на лестнице, и в комнату ворвался десяток самых грязных и оборванных уличных мальчишек Лондона. Это была неповторимая холмсовская банда бродяжек, которых он называл то «отделением сыскной полиции на Бейкер-стрит», то «нестроевым отрядом», то «нерегулярной частью с Бейкер-стрит».

— Смир-р-но! — скомандовал Холмс, и маль-

чишки, толкая друг друга, встали в неровный ряд и задрали свои чумазые рожицы, очевидно, считая, что демонстрируют военную выправку.

— Ну как, нашли?

— Да, сэр, нашли, — ответил один из них.

— Я нашел, сэр! — перебил его другой, осклабясь щербатым ртом, в котором не хватало трех зубов.

— Очень хорошо, — строго сказал Холмс, — но мы действуем как единое целое. Никакой личной славы. Один за всех и все за одного.

— Так точно, сэр, — ответил хор голосов.

— Доложите.

— Это в Уайтчэпеле.

— Вот как…

— На Грейт Хиптон-стрит, возле перехода. Улица там узкая, сэр.

— Очень хорошо, — повторил Холмс. — Вот ваша плата. Теперь ступайте.

Он дал каждому по новенькому шиллингу. Довольные, мальчишки с грохотом помчались вниз по лестнице.

Холмс выколотил из трубки остаток недокуренного табака.

— Что стало с Уиггинсом?

— У него жизнь сложилась прекрасно. Вступил

в войска ее величества. На последнем письме, которое я получил от него, стоял африканский штемпель.

— Толковый был паренек, насколько я помню.

— Они все такие. Число этих плутов в Лондоне не уменьшается. Но мне надо навести справки. Пошли.

Не надо было обладать особым талантом, чтобы угадать, куда мы направлялись, и я не удивился, когда мы остановились перед витриной ломбарда на Грейт Хиптон, в Уайтчэпеле. Улица действительно была узкой, с высокими зданиями на противоположной стороне. Когда мы подошли, солнце только начинало высвечивать полоску на стекле витрины, на котором было начертано: «Джозеф Бек — ссуды».

Холмс указал на предметы, выставленные в витрине.

— Футляр стоял вон там, Уотсон. Видите, куда падают лучи солнца?

Я мог только кивнуть. Как я ни привык к безошибочной точности суждений Холмса, каждое новое доказательство этого изумляло меня.

В ломбарде нас встретил дородный мужчина средних лет. Его лицо украшали сильно нафабренные усы с острыми прямыми кончиками на

военный лад. Джозеф Бек был типичным немецким коммерсантом, хотя пытался произвести впечатление прусского вояки.

— Чем могу служить, господа? — спросил он с сильным акцентом.

Я полагаю, что мы стояли на общественной лестнице намного выше его обычных клиентов, и он, возможно, рассчитывал заполучить дорогую вещь. Он даже щелкнул каблуками и вытянулся.

— Недавно мне подарили, — сказал Холмс, — набор хирургических инструментов, купленный у вас в ломбарде.

Маленькие навыкате глаза герра Бека заблестели.

— Но одного инструмента не хватает. А мне бы хотелось иметь полный набор. Нет ли у вас хирургических инструментов, из которых я мог бы выбрать недостающий?

— Боюсь, что не смогу вам помочь, сэр. — Ростовщик был явно разочарован.

— Вы помните набор, о котором я говорю, эту сделку?

— Как же, это было всего неделю назад. У меня такие предметы бывают редко. Но набор был полным, когда женщина выкупила его и унесла. Она вам сказала, что одного инструмента недостает?

— Не помню, — сказал Холмс небрежным тоном. — Плохо, что вы сейчас не можете мне помочь. Проделать зря такой путь! Это весьма неприятно, Бек.

Холмс сделал вид, что раздосадован.

— Помилуйте, сэр, — сказал ростовщик. — Почему я должен отвечать за то, что произошло после того, как футляр забрали.

Холмс пожал плечами.

— Думаю, вы ни при чем, — сказал он беспечно. — Но досадно, что пришлось потерять столько времени.

— Но, сэр, если бы вы навели справки о бедняжке, которая выкупила инструменты…

— Бедняжке? Не понимаю…

Строгость тона Холмса испугала ростовщика. Как истый коммерсант, он хотел угодить.

— Простите меня, сэр. Мне было от души жаль эту женщину. По сути дела, я уступил ей набор по самой сходной цене. Ее страшно изуродованное лицо до сих пор преследует меня.

— А, понятно, — пробормотал Холмс. Он было повернулся с разочарованным видом, как вдруг лицо его просветлело. — Мне пришла в голову мысль. Человек, который заложил инструменты, я мог бы связаться с ним…

— Сомневаюсь, сэр. Это было уже давно.

— Как давно?

— Мне надо свериться с гроссбухом.

Он вытащил гроссбух из-под прилавка и принялся сосредоточенно листать его.

— Вот, нашел. Это было почти четыре месяца тому назад. Как летит время!

— Поистине, — сухо согласился Холмс. — У вас записано имя и адрес этого господина?

— Это был не господин, сэр, а леди.

Мы с Холмсом переглянулись.

— Ясно, — сказал Холмс. — Но даже четыре месяца спустя, может быть, стоит попробовать. Назовите мне, пожалуйста, имя.

Ростовщик заглянул в гроссбух.

— Янг. Мисс Селли Янг.

— А адрес?

— Приют на Монтегю-стрит.

— Странное место жительства, — заметил я.

— Да, mein Herr. Это в центре Уайтчэпела. Опасное место в наши дни.

— Действительно. Желаю здравствовать, — вежливо сказал Холмс. — Вы были очень любезны.

Когда мы вышли из ломбарда, Холмс тихонько засмеялся.

— Этот Джозеф Бек — такой тип, с которым надо умело обращаться. Проявляя осторожность, его можно далеко увести, но подталкивать нельзя ни на дюйм.

— Мне показалось, что он был готов всячески помочь.

— Верно. Но малейший намек на официальность в наших расспросах, и он не ответил бы даже, который сейчас час.

— Ваша теория, Холмс, что изъятие скальпеля — это символический жест, подтвердилась.

— Может быть, хотя сам по себе этот факт не имеет большого значения. Теперь, видимо, следует посетить приют на Монтегю-стрит и мисс Селли Янг. Я уверен, что вы составили мнение о положении двух особ, которых мы разыскиваем?

— Конечно, та, которая заложила инструменты, находилась в стесненных обстоятельствах.

— Возможно, Уотсон, хотя отнюдь не бесспорно.

— Тогда для чего ей было закладывать набор?

— Я склонен думать, что она оказывала услугу другому лицу. Человеку, который не мог или не хотел появиться в ломбарде. Набор хирургических инструментов — это вещь, которая вряд ли может принадлежать леди. А что вы скажете о

той особе, которая их выкупила?

— Мы о ней ничего не знаем, кроме того, что лицо ее изранено. А что если она жертва Потрошителя, чудом избежавшая смерти?

— Колоссально, Уотсон! Превосходная гипотеза. Однако я обратил внимание на другой момент, касающийся несколько иной материи. Если помните, герр Бек назвал особу, которая выкупила инструменты, *женщиной*, а о той, которая их заложила, говорил более почтительно, как о *леди*. Так что мы имеем основание предположить, что мисс Селли Янг вызывает к себе известное уважение.

— Конечно, Холмс. Откровенно говоря, эти выводы не пришли мне в голову.

— Женщина, выкупившая набор, несомненно, более низкого пошиба. Может быть, даже проститутка. Этих несчастных полно в округе.

Монтегю-стрит находилась не очень далеко от ломбарда — менее двадцати минут ходу. Короткая улица, связывающая Пэрди-Корт с Олмстед-сэркус, где ютились многочисленные лондонские нищие. Мы свернули на Монтегю-стрит и прошли всего несколько шагов, как вдруг Холмс остановился.

— Хм, что это?

Следуя за его взглядом, я увидел вывеску над аркой из старого камня, на которой значилось одно слово: «Морг». Я не считаю себя особо чувствительным человеком, но при виде темного провала входа, напоминавшего туннель, я пришел в такое же подавленное состояние, как при первом взгляде на замок Шайрс.

— Никакой это не приют, Холмс, — сказал я, — если только кому-нибудь не придет в голову назвать так обитель мертвых.

— Не будем спешить с выводами, пока не убедимся сами, — ответил он и распахнул скрипучую дверь, которая вела во двор, выложенный булыжником.

— Здесь, несомненно, чувствуется запах смерти, — сказал я.

— Притом смерти, наступившей совсем недавно, Уотсон. Иначе что делал бы здесь наш друг Лестрейд?

В глубине двора двое мужчин были заняты разговором, и одного из них Холмс узнал быстрее, чем я. Это действительно был инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда, еще более тощий и похожий на хорька, чем в прежние времена, когда мне приходилось с ним встречаться. Лестрейд обернулся при звуке наших шагов.

— Мистер Холмс! Что вы тут делаете?

— Приятно видеть вас, Лестрейд! — воскликнул Холмс с приветливой улыбкой. — Отрадно, что Скотленд-Ярд неизменно там, где жертвы преступления.

— К чему этот сарказм? — проворчал Лестрейд.

— Нервишки, уважаемый? Видно, что-то взяло вас за живое.

— Если вы не знаете, в чем дело, значит, вы не читали утреннюю газету, — ответил Лестрейд.

— Действительно не читал.

Полицейский офицер повернулся ко мне и поздоровался:

— Доктор Уотсон! Давненько наши пути не скрещивались.

— Слишком давно, инспектор Лестрейд. Надеюсь, вы в добром здравии?

— Иногда радикулит прихватывает. Но это я переживу. — И добавил многозначительно: — По крайней мере пока не увижу, как этого уайтчэпельского маньяка ведут на виселицу.

— Опять Потрошитель? — отрывисто спросил Холмс.

— Он самый. Пятое нападение, мистер Холмс. Вы, конечно, читали о нем, хотя я не знал, что вы решили предложить свои услуги.

Холмс не парировал этот выпад. Он глянул на меня.

— Мы на верном пути, Уотсон.

— Что такое? — воскликнул Лестрейд.

— Пятое, вы сказали? Несомненно, вы имеете в виду пятое официально зарегистрированное убийство?

— Официально или нет, Холмс…

— Я хотел сказать, что вы не можете быть уверены. Вы нашли трупы пяти жертв Потрошителя. Но другие могут быть спрятаны.

— Жизнерадостное предположение, — пробормотал Лестрейд.

— Кстати, о пятой жертве. Я хотел бы взглянуть на нее.

— Заходите. Да, знакомьтесь — доктор Мэррей. Здешний хозяин.

Доктор Мэррей был скелетообразным человеком со смертельно бледным лицом, но его самообладание произвело на меня благоприятное впечатление. Его манера держаться отражала внутреннюю отрешенность, которая присуща людям, непосредственно имеющим дело с мертвыми. Когда Лестрейд представил его, он поклонился и сказал:

— Я действительно тружусь здесь, но предпо-

чел бы, чтобы потомки помнили обо мне как о директоре приюта, который находится рядом. Он дает больше возможностей служить людям. Беднягам, которых доставляют сюда, уже ничем не поможешь.

— Займемся делом, — прервал его Лестрейд и распахнул перед нами дверь.

Нас встретил сильный запах карболовой кислоты, запах, с которым я был хорошо знаком, когда служил в войсках ее величества в Индии.

Комната, в которую нас ввели, напоминала длинный широкий коридор. Вдоль одной стены тянулся помост, на котором стояли грубо сколоченные деревянные столы. Почти половина из них была занята неподвижными телами, прикрытыми простынями. Лестрейд провел нас в дальний конец комнаты. Там находились еще один помост несколько выше других и стол, на котором лежало тело.

— Энни Чэпмен, — угрюмо произнес Лестрейд, — новая жертва этого мясника. — Он откинул простыню.

Холмс был самым бесстрастным из людей, когда речь шла о преступлении, но и на его лице появилось выражение угрюмой жалости. Что до меня, то должен признаться, что, хотя я привык

к зрелищу смерти, меня начало мутить. Девушка была зверски убита, как животное на бойне.

К своему удивлению, я увидел, что на лице Холмса жалость сменилась как бы разочарованием.

— Лицо не изуродовано, — пробормотал он словно с сожалением.

— Потрошитель не уродует лица своих жертв, — сказал Лестрейд.

Холмс принял свой обычный холодный и сосредоточенный вид. С таким же успехом он мог рассматривать экспонат в анатомичке. Он тронул меня за руку.

— Обратите внимание на ловкость этой гнусной работы, Уотсон. Это подтверждает то, что мы читали в газетах. У него свой почерк.

Инспектор Лестрейд насупился.

— «Хирургия» Потрошителя не всегда одинакова. Она, видно, зависит от того, каким временем он располагает. В некоторых случаях он не успевал изувечить жертву, если кто-то прерывал его сатанинские дела.

— Я вынужден отказаться от некоторых поверхностных представлений, которые у меня сложились. — Холмс говорил скорее сам с собой, нежели с нами. — Сумасшедший, садист, но рас-

четлив, даже на редкость расчетлив.

— Значит, вы признаете, что Скотленд-Ярд имеет дело вовсе не с каким-то кретином.

— Несомненно, Лестрейд, и я буду счастлив оказать вам любую помощь в пределах своих ограниченных возможностей.

При этих словах Лестрейд широко раскрыл глаза. Никогда раньше он не слышал, чтобы Холмс умалял свои таланты. Полицейский пытался найти подходящий ответ, но, как видно, его удивление было столь велико, что он не нашел слов.

Он, однако, достаточно пришел в себя, чтобы высказать обычную просьбу:

— Если вам повезет и вы найдете злодея…

— Я не ищу наград, Лестрейд, — сказал Холмс. — Будьте уверены, что все лавры достанутся Скотленд-Ярду. — Он сделал паузу, затем мрачно добавил: — Если до этого дойдет.

После чего он повернулся к доктору Мэррею.

— Не разрешите ли вы нам осмотреть ваш приют, доктор?

Доктор Мэррей поклонился.

— Почту за честь, мистер Холмс.

В это время дверь отворилась, и появилось убогое существо, едва волочившее ноги. Больше всего потряс меня его отсутствующий взгляд.

Невыразительные черты лица, отвислый, полуоткрытый рот говорили о слабоумии. Шаркающей походкой он подошел к помосту, поднялся на него и вопросительно посмотрел на доктора Мэррея, который улыбнулся ему, как улыбаются ребенку.

— А, Пьер, ты можешь накрыть тело.

На бессмысленном лице мелькнуло желание угодить. Мне невольно пришло на ум сравнение с верным псом, которому добрый хозяин подает команду. Затем доктор Мэррей сделал нам знак, и мы сошли с помоста.

— Я пойду, — сказал Лестрейд, морщась от запаха карболки. — Если вам требуется какая-нибудь информация, мистер Холмс, — добавил он вежливо, — обращайтесь ко мне без стеснения.

— Спасибо, Лестрейд, — сказал Холмс столь же любезно.

Два сыщика, очевидно, решили установить перемирие, пока зловещее преступление не будет раскрыто, кстати, первое подобное перемирие между ними на моей памяти.

Покидая это страшное место, я оглянулся и увидел, как Пьер старательно расправляет простыню на теле Энни Чэпмен. Холмс тоже смотрел на дурачка, и что-то мелькнуло в его серых глазах.

Глава 4
ПРИЮТ ДОКТОРА МЭРРЕЯ

— Стараешься делать что можешь, — сказал доктор Мэррей несколько минут спустя, — но в городе таких размеров, как Лондон, это все равно что пытаться отогнать море метлой. Море нужды и отчаяния.

Выйдя из морга, мы пересекли выложенный каменными плитами внутренний двор. Доктор Мэррей провел нас через другую дверь в очень старое, обшарпанное, но несравненно менее мрачное помещение. Очевидно, когда-то это длинное низкое каменное строение было конюшней — отчетливые следы разделения на стойла сохранились до сих пор. По мере того как здание вытягивалось, подобно железнодорожному полотну, стойла расширялись, пока не превратились в некое подобие комнат. Надписи на карточках обозначали спальни для женщин и для мужчин, амбулаторию с комнатой для ожидания. Прямо перед собой мы увидели указатель: «К часовне и столовой».

Занавеска, прикрывающая вход в женскую

спальню, была задернута, но вход в мужскую спальню был открыт, и виднелись несколько железных коек, на которых спали жалкие оборванцы.

В комнате перед амбулаторией ожидали три пациента, а в ней самой расположился огромный, звероподобного вида субъект, такой грязный, как будто он только что чистил трубы. Он сидел, угрюмо уставившись на хорошенькую девушку, которая делала ему перевязку. Одна его ножища покоилась на низенькой скамеечке, и юная леди только что кончила бинтовать ее. Она распрямилась и откинула со лба прядь темных волос.

— Он сильно порезал ногу осколком стекла, — сказала она доктору Мэррею.

— Селли, эти джентльмены — мистер Шерлок Холмс и его коллега доктор Уотсон. Джентльмены, знакомьтесь — мисс Селли Янг, моя племянница и незаменимая помощница. Не знаю, что было бы с приютом без нее.

Селли Янг протянула тонкую руку каждому из нас по очереди.

— Очень приятно, — сказала она спокойно и сдержанно. — Я слышала ваши имена и раньше, но никогда не думала, что познакомлюсь с такими знаменитыми людьми.

— Вы слишком великодушны, — проговорил Холмс.

То, что она, проявив такт, упомянула и меня, было очень мило, и я поклонился.

Доктор Мэррей сказал:

— Я пойду, Селли. Не покажешь ли ты мистеру Холмсу и доктору Уотсону весь приют. Они, возможно, захотят посмотреть часовню и кухню.

Доктор Мэррей поспешно направился в сторону морга, а мы пошли за мисс Янг, но не успели сделать нескольких шагов к двери, как Холмс внезапно сказал:

— У нас мало времени, мисс Янг. Может быть, лучше завершить экскурсию в следующий раз. Сегодня мы пришли сюда в чисто профессиональном качестве.

Девушка, как видно, не удивилась.

— Понимаю, мистер Холмс. Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Пожалуй. Некоторое время тому назад вы заложили одну вещь в ломбарде на Грейт Хиптон-стрит. Припоминаете?

Без всяких колебаний она ответила:

— Конечно, это было не так уж давно.

— Если вы не против, то расскажите нам, как к вам попал набор инструментов и почему вы

заложили его.

— Извольте. Он принадлежал Пьеру.

Мне это показалось поразительной новостью, но на лице Холмса ни один мускул не шевельнулся.

— Это тот бедняга, лишившийся рассудка?

— Печальный случай, — сказала девушка.

— Я бы сказал, безнадежный, — заметил Холмс. — Мы видели его несколько минут назад. Не могли бы вы просветить нас относительно того, что с ним произошло?

— Мы ничего не знаем о его жизни до появления здесь. А оно, надо сказать, было драматическим. Однажды вечером я вошла со стороны морга и застала его там.

— И что же он делал, мисс Янг?

— Абсолютно ничего. Просто стоял возле тела в том невменяемом состоянии, которое вы, несомненно, заметили. Я отвела его к дяде. С тех пор он находится здесь. Полиция его, очевидно, не разыскивает, ибо инспектор Лестрейд не проявил к нему никакого интереса.

Я посмотрел на мисс Селли Янг с еще большим уважением. Поистине редкое мужество! Поздно вечером девушка входит в склеп, застает там урода, склонившегося над одним из трупов, и не

бежит в ужасе!

— Это вряд ли может служить критерием, — начал было Холмс и замолчал.

— Прошу прощения, сэр?

— Так, случайная мысль, мисс Янг. Продолжайте, пожалуйста.

— Мы пришли к выводу, что кто-то проводил Пьера до приюта и оставил его, как незамужние женщины оставляют своих младенцев. Доктор Мэррей осмотрел его и обнаружил, что в свое время он перенес страшную травму — был зверски избит. Раны на его голове зажили, но помрачение ума неизлечимо. Он оказался безобидным существом и так трогательно жаждет быть полезным, что сам смастерил себе койку. Мы, конечно, и не помышляем о том, чтобы отправить его обратно в мир, где ему нет места.

— А набор хирургических инструментов?

— У него с собой был узелок с одеждой. Футляр был засунут туда — единственная ценная вещь, которой он обладал.

— Что он вам рассказал о себе?

— Ничего. Он говорит с трудом — отдельные слова, которые едва можно разобрать.

— Но его зовут Пьер?

Она засмеялась, и щеки ее чуть-чуть порозове-

ли, что очень ей шло.

— Я взяла на себя смелость окрестить его так. На всей одежде были французские ярлыки, и я нашла у него цветной носовой платок, на котором были вытканы французские слова. Только поэтому и ни по какой другой причине я стала называть его Пьер, хотя уверена, что он не француз.

— Как случилось, что вы заложили инструменты? — спросил Холмс.

— Очень просто. Как я вам сказала, у Пьера практически ничего не было, а средства, которые мы тратим на общежитие, строго распределены. У нас не было возможности снабдить Пьера всем необходимым. Вот я и подумала о наборе хирургических инструментов. Вещь, несомненно, ценная, а ему она ни на что не могла понадобиться. Я разъяснила ему свое предложение, и, к моему удивлению, он усиленно закивал. — Она засмеялась. — Единственная трудность состояла в том, чтобы заставить его принять вырученные деньги. Он хотел внести их в общий фонд приюта.

— Значит, он еще способен на чувства, по крайней мере на чувство благодарности.

— Это действительно так, — ответила Селли Янг. — А теперь, сэр, может быть, вы ответите на мой вопрос. Почему вас интересует набор

инструментов?

— Он был прислан мне неизвестным лицом.

Ее глаза расширились.

— Значит, кто-то его выкупил?

— Да. Нет ли у вас каких-либо соображений насчет того, кто мог это сделать?

— Ни малейших. — Она задумалась и после паузы сказала: — Не обязательно здесь должна быть какая-то связь. Я хочу сказать, что кто угодно мог увидеть набор и купить его по дешевке.

— Когда набор попал ко мне, одного инструмента не хватало.

— Странно! Интересно, что же могло с ним случиться?

— Набор был полным, когда вы его заложили?

— Да.

— Благодарю вас, мисс Янг.

В этот момент дверь перед нами распахнулась и вошел мужчина.

— Ваша светлость! — воскликнул Холмс. — Наши пути вновь пересеклись!

Лорд Карфакс — это был он — удивился не меньше, чем мы. Можно даже сказать, что он был в полной растерянности. Молчание прервала Селли Янг.

— Вы знакомы?

— Мы имели честь познакомиться только вчера, — сказал Холмс, — в резиденции герцога Шайрского.

Лорд Карфакс наконец обрел дар речи. Повернувшись к Холмсу, он сказал:

— У меня гораздо больше причин находиться здесь, чем у вас, джентльмены. Я провожу здесь много времени.

— Лорд Карфакс — наш добрый ангел, — сказала Селли восторженно. — Он так щедро жертвует свои деньги и время, что приют принадлежит ему столько же, сколько нам. Вряд ли он уцелел бы без его помощи.

Лорд Карфакс вспыхнул.

— Вы преувеличиваете, дорогая.

Она с нежностью прикоснулась к его руке. Глаза ее блестели. Но вскоре взгляд ее потускнел и настроение резко изменилось.

— Вы слышали, лорд Карфакс? Еще одна.

Он грустно кивнул головой.

— Неужели это никогда не кончится? Мистер Холмс, не решили ли вы применить свои таланты в поисках Потрошителя?

— Посмотрим, как будут развиваться события, — отрывисто сказал Холмс. — Мы отняли у вас много времени, мисс Янг. Надеюсь, мы еще

увидимся.

Мы поклонились и пошли к выходу.

Наступил вечер, и редкие фонари Уайтчэпела мерцали на безлюдных улицах, скорее сгущая, нежели рассеивая тени.

Я поднял воротник.

— Признаюсь, Холмс, что жаркий камин и чашка горячего чая…

— Берегитесь, Уотсон! — вскричал Холмс, отличавшийся более быстрой реакцией, чем я. Минуту спустя мы отчаянно отбивались от трех хулиганов, которые выскочили из темного двора и напали на нас.

Я увидел, как сверкнул нож, и один из них крикнул: «Вы займитесь тем длинным!» После чего я остался один на один с третьим бандитом, но этого было вполне достаточно, поскольку в руках у него был нож. Ожесточенность его нападения не оставляла сомнения в его целях. Хорошо, что я сразу же резко повернулся в его сторону, но трость выпала у меня из рук, и он наверняка всадил бы в меня нож, если бы, спеша сбить меня с ног, не поскользнулся и не стал падать на меня, ловя руками воздух. Движимый инстинктом самосохранения, я ударил его коленом. Было даже приятно ощутить боль в бедре и колене от этого

удара. Бандит взвыл и, шатаясь, отступил. Кровь потекла у него из носа.

Холмс сохранил и трость, и присутствие духа. Уголком глаза я увидел его первый акт обороны. Пользуясь тростью как мечом, он ударил хулигана, который находился ближе к нему. С отчаянным воплем тот упал.

Больше я ничего не видел, потому что мой противник снова бросился на меня. Мы схватились не на шутку и в конце концов повалились на булыжную мостовую. Мой противник был крупный, сильный детина, и хотя я изо всех сил сдавил его руку, лезвие ножа неумолимо приближалось к моему горлу.

Я уже готов был вручить свою душу Создателю, когда трость Холмса обрушилась на моего противника. Глаза его закатились. Я с трудом освободился от груза его тела и привстал на колени. В этот момент один из двух хулиганов, напавших на Холмса, завопил от ярости и боли, и кто-то из них крикнул: «Бежим, Батч! Эти типы больно здоровы!» Они подняли моего обидчика, и вся троица исчезла во тьме.

Холмс стоял на коленях, склонившись надо мной.

— Уотсон, вы целы? Он не пырнул вас ножом?

— Ни царапины, Холмс, — успокоил я его.

— Если бы вас ранили, я этого никогда не простил бы себе.

— А как вы, старина?

— Только слегка задета голень. — Помогая мне встать, Холмс угрюмо добавил: — Я настоящий идиот. Меньше всего я ожидал нападения. Характер дела быстро меняется.

— Не упрекайте себя. Откуда вы могли знать.

— Моя профессия состоит в том, чтобы знать.

— Вы так быстро сориентировались, что обратили их в бегство, хотя все преимущества были на их стороне.

Но Холмс не внимал моим утешениям.

— Надо было быстрее поворачиваться, Уотсон, — сказал он. — Пошли. Мы найдем кеб и доставим вас домой к камину и горячему чаю, о которых вы мечтали.

В это время показался кеб, и мы остановили его. Уже по дороге к Бейкер-стрит Холмс сказал:

— Интересно знать, кто подослал их.

— Очевидно, тот, кто хотел бы видеть нас мертвыми, — ответил я.

— Но наш недруг, кто бы он ни был, как видно, плохо выбрал своих подручных. Надо было найти более хладнокровных. А эти задиры так лезли на

рожон, что действовали не слишком ловко.

— Считайте, что нам повезло, Холмс.

— Одной цели они по крайней мере достигли. Если у меня раньше были сомнения, то теперь я ни за что не откажусь от этого дела.

Холмс проговорил это мрачным тоном, и остаток пути мы проделали в молчании. Только когда мы уселись перед камином и миссис Хадсон принесла нам горячий чай, Холмс снова заговорил:

— После того, как я покинул вас вчера, Уотсон, я проверил несколько фактов. Знаете ли вы, что картина «Обнаженная», выставленная в Национальной галерее, кстати, очень неплохая работа, принадлежит кисти некоего Кеннета Осборна?

— Вы сказали, Кеннета Осборна?

— Герцога Шайрского.

ЭЛЛЕРИ ПРЕУСПЕВАЕТ

Он печатал всю ночь, не отрываясь… К рассвету у него уже отросла щетина, глаза слипались, и он буквально умирал от голода. Эллери отправился на кухню, открыл холодильник и достал бутылку молока и три сандвича, оставшиеся со вчерашнего дня. Он жадно проглотил их, допил остаток молока, вытер рот, зевнул, потянулся и пошел к телефону.

— Доброе утро, отец. Кто выиграл?

— Что выиграл? — ворчливо переспросил инспектор Куин.

— Игру — метание колец.

— А, ты про это. Они подсунули мне негодные кольца. Как погода в Нью-Йорке? Надеюсь, гнусная.

— Погода? — Эллери посмотрел в окно, но жалюзи были закрыты.

— По правде говоря, не знаю. Я работал всю ночь.

— И ты еще требуешь, чтобы я отдыхал. Сынок, почему бы тебе не присоединиться ко мне?

— Не могу. Надо дописать книгу. Да притом еще

вчера заходил Грант Эймс, который осушил все мои запасы спиртного и оставил пакет.

— Да? Какой пакет? — спросил инспектор Куин, оживляясь.

Эллери рассказал ему.

Старый инспектор фыркнул:

— Придумают же такую чепуху. Кто-нибудь тебя разыгрывает. Ты уже прочел?

— Несколько глав. Должен сказать, что написано в общем здорово. Увлекает. Но вдруг меня самого будто озарило, и я засел за машинку. Как ты собираешься провести день, отец?

— Буду поджариваться на проклятом пляже. Эллери, мне так здесь осточертело! Сын, позволь мне вернуться домой.

— И не думай, — сказал Эллери. — Поджаривайся. Знаешь что, не хотел бы ты прочитать неопубликованного Шерлока Холмса?

В голосе инспектора Куина послышалась лукавинка.

— Слушай, это идея. Я позвоню в авиакомпанию и закажу билет на любое свободное место — могу тут же прилететь в Нью-Йорк.

— Не выйдет номер. Я тебе вышлю рукопись почтой.

— К черту рукопись, — прорычал старик Куин.

— Пока, отец, — сказал Эллери. — Не забывай надевать защитные очки на пляже. И ешь все, что тебе кладут на тарелку.

Он повесил трубку, не дав отцу ответить.

Эллери взглянул на стенные часы. У них был такой же умученный вид, как у пишущей машинки.

Он прошел в ванную, принял душ и вернулся в пижаме. Войдя в кабинет, он прежде всего вытащил из розетки вилку телефона. Потом схватил рукопись доктора Уотсона.

«Это меня быстро усыпит», — слукавил он.

Глава 5
КЛУБ «ДИОГЕН»

На следующее утро, проснувшись, я обнаружил, что Холмс уже встал и шагает по комнате. Ни словом не обмолвившись о злоключении, которое нас постигло накануне вечером, он сказал:

— Уотсон, не согласитесь ли вы написать кое-что под диктовку.

— С радостью.

— Извините меня за то, что я низвожу вас до роли личного секретаря, но у меня есть особая причина желать, чтобы подробности этого дела были сформулированы в должном виде.

— Особая причина?

— Вот именно. Если у вас есть свободное время, мы наведаемся сегодня во второй половине дня к моему брату Майкрофту, в его клуб. Консультация с ним может быть нам полезна. Ведь в некоторых отношениях аналитические способности Майкрофта намного выше моих.

— Мне известно, как высоко вы его цените.

— Конечно, его способности, так сказать, сидячие, в том смысле, что он терпеть не может

двигаться. Если бы кто-нибудь изобрел уличное кресло, которое доставляло бы человека из учреждения домой и обратно, Майкрофт первым бы приобрел его.

— Да, помнится, он не любит отклоняться от заведенного порядка.

— Поэтому он стремится свести все задачи, человеческие и прочие, к масштабам шахматной доски. На мой вкус, это — чрезмерное сужение, но в общем его методы часто помогают соображать.

Холмс потер руки.

— А теперь перечислим наших действующих лиц. Не обязательно в порядке значимости. Итак, первый — герцог Шайрский…

Холмс диктовал в течение часа. Потом он шагал по комнате, пока я пытался хоть немного систематизировать записи. Закончив, я протянул ему следующее резюме. В нем содержалась информация, которая до тех пор была мне неизвестна, — факты, собранные Холмсом после вчерашнего вечера.

ГЕРЦОГ ШАЙРСКИЙ (Кеннет Осборн).

Нынешний обладатель земель и титула, известного с 1420 года. Двадцатый потомок по прямой линии. Герцог ведет замкнутый образ жизни в своих имениях или в городском доме на Беркли-

стрит, где занимается живописью. Имеет двух сыновей от жены, которая скончалась десять лет тому назад. Больше не женился.

ЛОРД КАРФАКС (Ричард Осборн).

Старший сын Кеннета. Прямой наследник герцогского титула. Имеет одну дочь — Дебору. Жена его трагически погибла при родах. Ребенок живет в девонширском имении на попечении гувернантки. Отец и дочь чрезвычайно привязаны друг к другу. Лорд Карфакс — филантроп. Он щедро жертвует свои деньги и время приюту на Монтегю-стрит в Лондоне, прибежищу обездоленных.

МАЙКЛ ОСБОРН.

Второй сын Кеннета. Источник позора и горестей для своего отца. По имеющимся данным, Майкл, досадуя на свое положение второго сына, не наследующего титул, пустился в разгул. Поставив перед собой цель втоптать в грязь титул отца, он, как сообщают, женился на уличной женщине, очевидно, для того чтобы еще больше преуспеть в выполнении этой неблаговидной цели. Сей достойный порицания поступок, вероятно, был совершен им в бытность студентом-медиком в Париже. Вскоре он был исключен из Сорбонны. Дальнейшая его судьба и нынешнее местопребы-

вание неизвестны.

ДЖОЗЕФ БЕК.

Ростовщик, владелец ломбарда на Грейт Хиптон-стрит. Судя по всему, вряд ли представляет интерес.

ДОКТОР МЭРРЕЙ.

Медик не только по образованию, но и по призванию, заведует моргом на Монтегю-стрит. Посвятил свою жизнь созданному им по соседству с моргом приюту.

СЕЛЛИ ЯНГ.

Племянница доктора Мэррея. Отдает приюту все свое время. Медсестра, любящая свою профессию, занимается благотворительной деятельностью. Именно она заложила в ломбард Бека набор хирургических инструментов. Охотно отвечает на вопросы и, по-видимому, ничего не скрывает.

ПЬЕР.

Безобидный дурачок, которого взяли в приют, где он выполняет разного рода физическую работу. Набор хирургических инструментов был найден среди его вещей. Мисс Янг заложила его, чтобы выручить деньги для Пьера. Видимо, приехал из Франции.

ЖЕНЩИНА СО ШРАМОМ НА ЛИЦЕ.

Сведений нет.

Холмс пробежал резюме с недовольным видом.

— Все это показывает, сколь немногого мы достигли и какой долгий путь нам еще предстоит пройти. Известно, что совершено пять зверских убийств, и всякое промедление с нашей стороны, несомненно, приведет к увеличению их числа. Поэтому, если не возражаете, одевайтесь, Уотсон, мы остановим кеб и отправимся в клуб «Диоген».

Пока мы катили по булыжной мостовой, Холмс сидел, задумавшись, но я все же рискнул потревожить его, потому что мне неожиданно пришла в голову одна мысль.

— Холмс, — сказал я, — когда мы покидали имение герцога Шайрского, вы упомянули, что лорд Карфакс допустил два просчета. Мне кажется, об одном из них я догадался.

— В самом деле?

— Я вспомнил, что он не спросил, как к вам попал набор хирургических инструментов. Отсюда следует логический вывод, что он уже знал об этом.

— Превосходно, Уотсон!

— В свете этого промаха, есть ли у нас основания предположить, что именно он прислал вам

набор?

— Мы, во всяком случае, имеем основание подозревать, что он знает, кто это сделал.

— Тогда возможно, что лорд Карфакс — ключ для выяснения личности женщины с изуродованным лицом.

— Вполне возможно, Уотсон. Однако найти ключ и повернуть его — это две совершенно разные вещи.

— Должен признаться, что не могу угадать, в чем состоит второй просчет его светлости.

— Помните, как в присутствии лорда Карфакса я уронил футляр с инструментами? И как он любезно собрал инструменты?

— Да, ну и что же?

— Вы, наверное, не обратили внимания на то, как уверенно он раскладывал их — каждый в соответствующее углубление.

— Действительно.

— А теперь, когда вы все вспомнили, какую дополнительную информацию это вам дает?

— Хотя лорд Карфакс уверяет, что не имеет познаний и опыта в хирургии, он хорошо знаком с хирургическими инструментами.

— Вот именно. Факт, который мы должны занести в наше мысленное досье для будущего

использования. Мы приехали, Уотсон, Майкрофт нас ждет.

Клуб «Диоген»!.. Я хорошо его помнил, хотя побывал в его тихих гостиных всего один раз, когда Майкрофт переложил на плечи своего более активного брата дело греческого переводчика[3], о котором я имел честь поведать, к вящему удовольствию отнюдь не малочисленной армии почитателей Холмса.

Клуб «Диоген» был основан людьми, которые искали уединения в центре шумного города, причем исключительно для узкого круга своих членов. Это роскошный особняк с мягкими креслами, превосходной кухней и всеми другими атрибутами личного комфорта. Правила клуба определяются его основным назначением и строго соблюдаются. Они рассчитаны на то, чтобы не поощрять, вернее, запретить всякое общение. Разговоры в его помещениях не допускаются, за исключением комнаты для посторонних посетителей, куда нас бесшумно провели. По сути дела, членам клуба не дозволяется обращать друг на друга ни малейшего внимания. Рассказывают об одном случае — по-моему, он смахивает на

---

[3] Примечания: 3

См. рассказ А. Конан Дойля «Случай с переводчиком».

анекдот: один из членов клуба скоропостижно скончался (как оказалось, в результате сердечного приступа), и об этом узнали лишь тогда, когда его коллега по клубу заметил, что в руках бедняги «Таймс» трехдневной давности.

Майкрофт Холмс ожидал нас в комнате для гостей, отлучившись ненадолго, как я позднее узнал, из правительственного ведомства, где он служил, расположенного за углом, на Уайтхолле. Надо заметить, что это было неслыханным нарушением его привычек.

Тем не менее ни один из братьев, казалось, не спешил приступить к делу, которое нас туда привело, Майкрофт — высокий, грузный человек с густыми седыми волосами и тяжелым лицом — мало походил на младшего брата. Он протянул руку и воскликнул:

— Шерлок! Ты отлично выглядишь! Должно быть, тебе на пользу колесить по всей Англии и континенту.

Протянув мне свою увесистую руку, Майкрофт сказал:

— Доктор Уотсон, я слышал, вы вырвались из цепких рук Шерлока и женились. Надеюсь, Шерлок не похитил вас снова?

— Я очень счастлив в браке, — заверил я его. —

Просто в данный момент моя жена гостит у тетушки.

— И длинная рука Шерлока немедленно достала вас!

Майкрофт приветливо улыбнулся. Несмотря на свою замкнутость, он обладал удивительной способностью держать себя так, что его собеседник не испытывал никакой неловкости. Он встретил нас у двери, и теперь направился к эркеру, выходившему на одну из самых оживленных улиц Лондона. Мы последовали за ним, и братья, стоя рядом, смотрели в окно.

— Я не заходил в эту комнату с тех пор, как ты последний раз приходил ко мне, Шерлок, но улица не меняется, — сказал Майкрофт. — Она была такой же и вчера.

— И все же, — пробормотал Шерлок, — она изменилась. Старые интриги забыты, возникли новые.

Майкрофт указал рукой.

— Посмотрите на этих двух типов у обочины. Не замышляют ли они чего дурного?

— Ты имеешь в виду фонарщика и бухгалтера?

— Их самых.

— Не думаю. Фонарщик утешает бухгалтера, которого недавно уволили.

— Похоже, что так. Бухгалтер, несомненно, найдет другое место, но так же быстро его потеряет и снова окажется на улице.

Я не смог удержаться и прервал их разговор.

— Погодите, погодите, — сказал я, невольно повторяя свои обычные возражения, — это уж чересчур!

— Уотсон, Уотсон, — с укоризной сказал Майкрофт, — я не ожидал от вас подобной близорукости после стольких лет сотрудничества с Шерлоком. Даже с такого расстояния вы не можете не видеть следов чернил, красных и черных, на пальцах одного из собеседников! А это ведь профессиональное отличие бухгалтера.

— Обратите внимание также, — вмешался Холмс-младший, — на чернильное пятнышко на его воротнике, где он коснулся материи пером, и на его помятый костюм, который в остальном имеет вполне респектабельный вид.

— Разве так трудно заключить из этого, мой дорогой Уотсон, — вставил Майкрофт с вкрадчивостью, которая всегда так раздражала меня, — что этот человек неряшлив и в работе, не задерживается долго на одном месте — его увольняют?

— Об этом свидетельствует газета, которая торчит из кармана сюртука, раскрытая на колонке

объявлений о найме. Отсюда вывод: он безработный, — добавил Холмс.

Я поднял руки.

— Сдаюсь, как всегда! Но то, что его собеседник — фонарщик, это, конечно, просто предположение?

— Тут признаки более техничны, — сказал мой друг Холмс. — Посмотрите на его правый рукав. Видите, на внутренней стороне, начиная от манжеты и выше, материя потерта до блеска.

— Безошибочный признак фонарщика, — сказал Майкрофт.

— Поднимая шест, чтобы зажечь огонь в газовом фонаре, — объяснил Шерлок, — он постоянно трет нижним концом шеста эту часть рукава. Весьма просто, Уотсон!

Прежде чем я успел ответить, настроение Холмса изменилось, и он, нахмурившись, отвернулся к стене.

— Хотел бы я, чтобы проблема, которой мы занимаемся, была столь же легкоразрешима. Она и привела нас сюда, Майкрофт.

— Выкладывай детали, — ответил его брат с улыбкой. — Не хочу зря терять время…

Двадцать минут спустя, удобно устроившись в покойных креслах, мы погрузились в молчание.

Оно было прервано Майкрофтом.

— Картина четко обрисована, Шерлок, в пределах возможного. Но думаю, ты сам способен решить загадку.

— Не сомневаюсь, но времени мало. Надо во что бы то ни стало предотвратить новые преступления. Ты мог бы подсказать деталь, которая позволила бы мне сэкономить день, а то и два.

— Тогда давай точно перечислим, что тебе известно или, вернее, что неизвестно. У тебя в руках отнюдь не все элементы головоломки.

— Конечно.

— И все же ты уже что-то нащупал. Недаром тут же было совершено опасное нападение на тебя и Уотсона. Если только ты не считаешь это простым совпадением.

— Никоим образом!

— Я тоже не думаю. — Майкрофт потянул себя за ухо. — Конечно, не надо большого ума, чтобы понять, кто такой Пьер.

— Разумеется, — ответил Холмс. — Он — второй сын герцога Шайрского — Майкл.

— Что касается тяжелых травм, полученных Майклом, то отец может не знать об этом. Но лорду Карфаксу, конечно, известно, что Майкл находится в приюте. Он, вне всякого сомнения,

узнал своего младшего брата.

— Не сомневаюсь, — сказал Холмс, — что лорд Карфакс был не вполне откровенен.

— Он меня заинтересовал. Мантия филантропа — отличное прикрытие для злого умысла. Вполне возможно, что именно лорд Карфакс позаботился о том, чтобы Майкл был взят под опеку доктором Мэрреем.

— Равно как и о нанесении ему увечий, — угрюмо добавил Холмс.

— Возможно, но тебе надо найти недостающие элементы головоломки, Шерлок.

— Время, Майкрофт, время! Вот в чем моя проблема. Я должен быстро найти ту нить, которая поможет размотать клубок.

— Я полагаю, тебе надо тем или иным способом заставить Карфакса раскрыться.

Тут я вмешался.

— Позвольте мне задать вопрос.

— Сделайте одолжение, Уотсон. Мы вовсе не собирались устранять вас от расследования.

— Я мало чем могу помочь, но мне думается, что наша главная задача — установить личность Джека Потрошителя. Поэтому я спрашиваю вас: считаете ли вы, что мы уже встретили убийцу? Что кто-то из людей, с которыми мы вступили в

контакт — Потрошитель?

Шерлок Холмс улыбнулся.

— Есть ли у вас кандидат на эту далеко не почетную роль, Уотсон?

— Если бы я был вынужден сделать выбор, я остановился бы на слабоумном. Но, должен сознаться, я никак не предполагал, что он Майкл Осборн.

— На каких основаниях вы выносите ему приговор?

— Боюсь, ничего конкретного. Но я не могу забыть картину, свидетелем которой был, когда мы покидали морг на Монтегю-стрит. Если помните, доктор Мэррей велел «Пьеру» прикрыть тело несчастной. В том, как тот это сделал, не было ничего обличающего, но при виде его движений у меня мурашки пошли по коже.

Наступила пауза, во время которой братья обдумывали высказанное мною мнение. Затем Майкрофт серьезно сказал:

— Весьма уместное соображение, Уотсон. Я бы только заметил, что трудно, о чем вам, конечно, известно, интерпретировать поступки, порожденные больным умом. Однако ваше инстинктивное отвращение может быть более ценно, чем вся наша логика.

— Ваше мнение, конечно, следует учесть, — сказал Холмс.

У меня, однако, сложилось впечатление, что ни тот, ни другой не придали большого значения моим словам, а просто хотели сказать мне приятное.

Майкрофт с трудом поднял свое грузное тело.

— Тебе надо собрать больше фактов, Шерлок.

Холмс стиснул руки.

Я подумал, что на всем протяжении встречи с Майкрофтом его брат не походил на того энергичного, самоуверенного Шерлока Холмса, каким я его знал. Я обдумывал причину этого, как вдруг услышал, как Майкрофт тихо сказал:

— Я думаю, что знаю источник твоего замешательства, Шерлок. Ты должен покончить с этим. Ты слишком субъективен в этом деле.

— Не знаю, о чем ты, — сказал Холмс довольно холодно.

— Совершено пять самых чудовищных преступлений века, и, может быть, их число увеличится. Если бы ты занялся этим делом раньше, то мог бы предотвратить некоторые из них. Вот что гложет тебя. Сознание вины может притупить самый могучий ум!

Холмсу нечего было возразить. Он нетерпеливо

дернул головой и сказал:

— Пошли, Уотсон. Игра началась. Мы должны загнать дикого зверя.

— И притом хитрого, — сказал Майкрофт с явным предостережением.

Затем добавил:

— Шерлок, ищи женщину с изуродованным лицом. А также одно из недостающих важных звеньев — жену Майкла Осборна, которая пользуется такой дурной репутацией. О чем это говорит?

Холмс сердито посмотрел на брата:

— Ты в самом деле думаешь, Майкрофт, что я лишился способности мыслить? Конечно, это значит, что речь идет об одной и той же женщине.

С тем мы покинули клуб «Диоген».

ПОСЛАНЕЦ КУИНА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Дверной звонок имел форму бутона розы с листьями из слоновой кости. Грант Эймс с силой нажал его, и появилась девица в ядовито-зеленой вечерней пижаме.

— Хелло, Мэдж. Был неподалеку, и вот я здесь.

Она просияла. Удлиненное аристократическое лицо молодого человека вызывало у нее приятные мысли о его богатстве.

— И поэтому вы решили заскочить, — изрекла она таким тоном, словно сама вывела формулу теории Эйнштейна. Она распахнула дверь так широко, что та ударилась о стену.

Грант осторожно двинулся вперед.

— Недурное у вас здесь гнездышко.

— Обыкновенная удобная квартира работающей девушки. Я прочесала всю Ист-Сайд, то есть буквально всю, пока, наконец, не нашла ее. Безумно дорого, но я просто не могу жить нигде, кроме Аппер Ист.

— Я и не знал, что вы надумали работать.

— А как же. Я консультант. Вы пьете виски?

«Сыщику надо жать до конца, если он хочет что-то выведать», — подумал Грант.

— И где же вы консультируете?

— В отделе рекламы на фабрике.

— Конечно, на фабрике вашего отца?

— Конечно.

Мэдж Шорт была дочерью «Изящной обуви Шорта», но будущую добычу ей предстояло разделить с тремя братьями и двумя сестрами. Она кивнула хорошенькой рыжеволосой головкой, протягивая Гранту виски с содовой.

— А где находится фабрика?

— В Айове.

— И вы туда ездите?

— Дурачок! Здесь же есть контора на Парк-авеню.

— Детка, вы меня удивляете. Я представляю вас в совсем другой роли. На каком-нибудь литературном поприще.

— Вы что, шутите?

Грант осмотрел комнату. Нигде не было видно ни книг, ни журналов, но в конце концов это было не обязательно.

— Я думал, вы уйму читаете, лапочка. Так сказать, книжный червь.

— Это в наши-то дни и в нашем веке! Откуда,

хотела бы я знать, взять время на чтение?

— Ну, можно урывать отовсюду понемногу.

— Кое-что я читаю. Например, «Секс и проблема безбрачия»…

— Я лично помешан на детективах. Патер Браун, епископ Кушинг.

Он пристально следил за ее реакцией. С таким же успехом можно было ожидать ее от розовой хрюшки.

— Я тоже люблю детективы.

— А иногда и философов почитываю, — провокационно продолжал Грант, — Бертона, Шерлока Холмса.

— Один из гостей, помните, на последней вечеринке, специалист по «дзэну»…

Гранта охватило сомнение. Он быстро изменил тактику.

— А какое на вас тогда было синее бикини. Блеск!

— Я так рада, что оно вам понравилось, милый. Хотите еще виски?

— Нет, спасибо. — Грант встал. — Время летит, пора.

Она была безнадежна.

Он без сил рухнул на сиденье своего «ягуара».

Как они это делают — Холмс, даже Куин?

* * *

Тем временем что-то навалилось на нос Эллери и душило его. Он открыл глаза и обнаружил, что это рукопись, которую он читал перед сном. Он зевнул, сбросил ее на пол и сел сонный, упершись локтями в колени. Рукопись лежала на полу. Он нагнулся и поднял ее.

И начал снова читать.

Глава 6
Я ВЫСЛЕЖИВАЮ ПОТРОШИТЕЛЯ

На следующее утро, должен признаться, Холмс привел меня в негодование.

Когда я проснулся, он уже был одет. Я сразу же заметил, что глаза его покраснели — значит, он почти не спал. Я даже подозревал, что его всю ночь не было дома.

К счастью, он был настроен на беседу, а не замкнулся в себе, что с ним нередко бывало.

— Уотсон, — сказал он без всякого вступления, — в Уайтчэпеле есть трактир, пользующийся весьма дурной славой.

— Их там много.

— Да, верно! Но тот, о котором я говорю — «Ангел и корона» — худшее из всех заведений, где предаются разгулу. Оно расположено в центре поля действий Потрошителя. Именно здесь видели незадолго до их смерти трех девиц, из числа тех, которые стали жертвами Джека. Я намерен присмотреться к «Ангелу и короне» и сегодня вечером собираюсь покутить там.

— Отлично, Холмс! Если я смогу ограничиться

элем…

— Нет, нет, дорогой Уотсон, вы не пойдете. Я до сих пор содрогаюсь при мысли, как близки вы были к гибели по моей вине.

— Послушайте, Холмс…

— Это решено бесповоротно, — ответил он твердо. — У меня нет ни малейшего желания преподнести вашей симпатичной жене, когда она вернется, печальное известие.

— Мне казалось, что я неплохо проявил себя, — горячо возразил я.

— Несомненно. Без вас я бы уже покоился на убогом ложе в заведении доктора Мэррея! И все же это не оправдание для того, чтобы вторично рисковать вашей безопасностью. Пока я отсутствую сегодня, — а у меня масса дел, — вы могли бы, пожалуй, уделить немного времени своей практике.

— С моей практикой все в порядке, благодарю вас. Мой заместитель весьма компетентный человек.

— Тогда могу предложить вам пойти на концерт или почитать интересную книгу.

— Я вполне в состоянии сам себя занять, — сказал я холодно.

— Не сомневаюсь, Уотсон, — сказал он. — Ну,

что ж, мне пора. Обещаю, что по возвращении я введу вас в курс событий.

Он ушел, а я продолжал кипеть, почти не уступая температуре чая миссис Хадсон.

Решение нарушить запрет Холмса созрело у меня не сразу. Но прежде чем я закончил завтрак, оно уже приняло отчетливую форму. Я провел весь день в чтении любопытной монографии из книжного шкафа Холмса о возможности использовать пчел при подготовке убийства, добившись, чтобы они заразили отравой мед либо напали всем роем на свою жертву. Труд был анонимный, но я узнал лаконичный стиль Холмса. Когда стемнело, я стал готовиться к «операции».

Я решил отправиться в «Ангел и корону» под видом распутного повесы в расчете на то, что не буду выделяться среди многих лондонских завсегдатаев сих злачных мест. Поэтому я поспешил домой и облачился в вечерний костюм. Его дополняли цилиндр и накидка. Посмотрев на себя в зеркало, я пришел к выводу, что у меня даже более лихой вид, чем я предполагал. Сунув в карман заряженный револьвер, я вышел на улицу, остановил экипаж и велел кучеру ехать к «Ангелу и короне».

Холмс еще не появлялся.

Это было отвратительное заведение. Длинный общий зал с низким потолком был полон разъедавшего глаза чада от многочисленных керосиновых ламп. Клубы табачного дыма висели в воздухе, как предгрозовые тучи. За грубо отесанными столами расположилось самое разношерстное сборище. Матросы-индийцы, отпущенные на берег с многочисленных грузовых судов, которыми кишит Темза; восточного типа субъекты с непроницаемым выражением лица; шведы и африканцы, потрепанные европейцы, не говоря уже о разного рода англичанах — все они жаждали вкусить радостей в злачных местах крупнейшего города мира.

Сомнительным украшением трактира были и особы женского пола всех возрастов и характеров. Большинство из них имело жалкий вид — потрепанные и опустившиеся. Лишь немногие, самые молоденькие, едва начавшие катиться по наклонной плоскости, сохранили еще какую-то привлекательность.

Одна из таких девиц подошла ко мне, как только я, найдя свободный столик, заказал пинту крепкого портера и начал рассматривать гуляк.

Это была смазливая девчонка небольшого роста, но циничный взгляд и грубые манеры уже

наложили на нее несмываемое клеймо.

— Привет, милок. Закажешь девушке джину с тоником?

Я хотел было отказаться от этой чести, но официант, по виду англичанин, стоявший подле, крикнул: «Джин с тоником для леди!» — и стал проталкиваться к бару. Он, несомненно, получал свою долю от стоимости выпивки, которую девицы выпрашивали у клиента.

Девушка уселась напротив меня и положила свою довольно грязную руку на мою. Я быстро отдернул руку. Ее накрашенные губы изобразили подобие улыбки.

— Робеешь, котик? Не бойся.

— Я просто заскочил выпить пинту, — сказал я.

Мое приключение начало утрачивать привлекательность.

— Ясно, милок! Все господа забегают выпить пинту. А потом уж так получается, что хотят узнать, что еще у нас можно купить.

Официант вернулся, подтолкнул к ней джин с тоником и взял несколько монет из тех, что я выложил на стол. Я не сомневался, что он прихватил несколько лишних пенсов, но не стал спорить.

— Меня зовут Полли, милок. А тебя как звать?

— Хоукинс, — поспешно сказал я. — Сэм Хоукинс.

— Хоукинс? — засмеялась она. — Слава Богу, что не Смит. Не поверишь, сколько здесь Смитов ошивается, будь они неладны.

Если бы я и нашелся, я не успел бы открыть рта, так как в другом конце зала поднялся шум. Моряк с темной физиономией, по габаритам не уступающий горилле, в ярости зарычал и, пытаясь схватить другого посетителя — маленького китайца, видимо, обидевшего его, опрокинул стол.

Какое-то мгновение казалось, что китайцу пришел конец, настолько свирепый вид был у моряка.

Но тут вмешался какой-то мужчина с густыми бровями, бычьей шеей и широкими плечами, с руками, толстыми, как деревья, хотя и не такой огромный, как моряк. Неожиданный защитник китайца ударил моряка кулаком в солнечное сплетение. Это был сокрушительный удар, и моряк согнулся пополам от боли, издав хриплый стон, который был слышен во всех концах зала. Нападавший снова примерился и нанес еще один удар, на этот раз в челюсть гиганта. Голова моряка откинулась назад, глаза остекленели. Он начал падать, но мужчина с густыми бровями

подставил плечо и поймал тело, взвалив его на спину, как мешок с мукой. Открыв дверь, он вышвырнул его на улицу.

— Это Макс Клейн, — сказала со страхом моя девица. — Сильный, дьявол, как бык. Макс купил это заведение. Уже четыре месяца хозяйничает. Он не даст никого убить здесь! И думать нечего.

Зрелище было поистине впечатляющим. Но в этот момент нечто другое привлекло мое внимание. Едва закрылась дверь, через которую Клейн выбросил моряка, как она опять распахнулась, и вошел новый посетитель, которого, мне показалось, я узнал. Я вглядывался сквозь чад и дым. Сомнений не было. Джозеф Бек, ростовщик, собственной персоной. Он направлялся к свободному столику. Надо будет сообщить об этом Холмсу, подумал я и повернулся к Полли.

— У меня славная комнатка, милок, — сказала она, пытаясь соблазнить меня.

— Боюсь, что это меня не интересует, сударыня, — сказал я как можно мягче.

— Сударыня… Надо же! — возмущенно вскричала она. — Что я тебе, старуха какая? Я еще молоденькая. И чистая. Так что не бойся.

— Но, наверное, есть кто-то, кого ты боишься, Полли, — сказал я, пристально глядя на нее.

— Я? С чего это мне бояться? Я и мухи не трону.

— Я имею в виду Потрошителя.

В ее голосе послышались скулящие нотки.

— Ты просто хочешь напугать меня. А я не боюсь.

Она глотнула джина, но глаза ее бегали по сторонам. Потом они остановились на какой-то точке позади моего плеча, и я осознал, что она посматривала в ту сторону во время всего нашего разговора. Я повернул голову и увидел самого мерзкого типа, какого только можно себе представить.

Он был невероятно грязен. Одну его щеку пересекал безобразный шрам, от чего рот его был искривлен как будто в усмешке, а вздутый синяк под левым глазом делал его вид еще более отталкивающим. Никогда мне не приходилось видеть такое злобное лицо.

— Он прикончил Энни, Потрошитель, — прошептала Полли. — Изуродовал бедняжку черт-те как. И за что? Энни тихая была, никого не трогала.

Я снова повернулся к ней.

— А может, то страшилище со шрамом — он и есть?

— Кто знает? — И горестно воскликнула: — За-

чем только он это делает!

Это был он!

Трудно объяснить, почему я был так в этом уверен. В прошлом я одно время играл в азартные игры, как это нередко случается с молодыми людьми, и, бывало, у меня появлялось какое-то необъяснимое предчувствие, не основанное на доводах рассудка, инстинкт, шестое чувство — назовите как хотите, — но оно иногда появляется, и игнорировать его невозможно.

Именно такое чувство возникло у меня, когда я разглядывал человека, сидевшего сзади. Он в упор смотрел на девицу, и мне была видна слюна в уголках его отвратительно искривленного рта.

Что было делать?

— Полли, — спросил я тихо, — видела ли ты этого человека раньше?

— Я, котик? Никогда. До чего же отвратный, верно?

Но тут в силу неустойчивости, свойственной распущенным женщинам, настроение Полли изменилось. Верх взяла ее природная бесшабашность, еще усиленная большой дозой спиртного. Она вдруг подняла свою рюмку.

— За твое счастье, милок! Ты хороший дядечка, и я тебе желаю всего самого…

— Спасибо.

Она встала и пошла, покачивая бедрами. Я наблюдал за ней, ожидая, что она подойдет к другому столику. Но она быстро прошла через зал и направилась к двери. Я подумал, что в этот вечер ей, очевидно, не везет в «Ангеле и короне», и поэтому она решила попытать счастья на улице. Не успел я почувствовать облегчение, как увидел, что отвратительное существо позади меня вскочило и бросилось за ней. Можно понять, какая тревога меня охватила. Что мне было делать, как не последовать за этим человеком!

Когда глаза привыкли немного к темноте, я обнаружил, что мужчина все еще находится в поле моего зрения. Он крался, прижимаясь к стене в конце улицы.

Я знал, что иду по опасному пути. Но это был он, Потрошитель, и он выслеживал Полли. Я судорожно сжал в кармане револьвер. Человек завернул за угол, и я, боясь упустить его, поспешил следом.

Улицу освещал только один газовый фонарь. Я вглядывался в темноту. Но человек, по пятам которого я шел, исчез.

Меня охватило мрачное предчувствие. Быть может, злодей уже затащил несчастную девуш-

ку в какой-нибудь подвал! Если бы я догадался взять с собой карманный фонарик! Я побежал вперед. Тишину улицы нарушал только звук моих шагов.

Даже скудного света было достаточно, чтобы увидеть, что улица на другом конце переходит в узкий проход. Именно туда я и ринулся, и при мысли о том, что я могу там обнаружить, сердце мое бешено заколотилось.

Вдруг я услышал приглушенный крик. Я натолкнулся на что-то мягкое. Испуганный голос пролепетал:

— Пощадите! Умоляю, пощадите!

Это была Полли, прижавшаяся к стене в темноте. Опасаясь, что ее крик может спугнуть Потрошителя, я зажал ей рот рукой и прошептал ей на ухо:

— Все в порядке, Полли. Тебе ничего не угрожает. Я тот джентльмен, который сидел с тобой.

В это время сзади на меня обрушилась какая-то огромная тяжесть, меня отшвырнуло назад, в проход. Коварный злодей, за которым я шел по пятам от «Ангела и короны», перехитрил меня. Он спрятался в темноте и пропустил меня вперед. Теперь в ярости от того, что добыча ускользает, он напал на меня, как дикий зверь.

Я ответил тем же, отчаянно отбиваясь, и пытался вытащить револьвер из кармана. Мне надо было держать его в руке, но во время моей службы в войсках ее величества в Индии я был военным врачом, а не солдатом, и не был обучен приемам рукопашного боя.

Поэтому я не мог тягаться с чудовищем, с которым схватился. Под его натиском я упал и радовался лишь тому, что девушке удалось убежать. Я ощутил, как цепкие руки сжимают мое горло, и тщетно махал свободной рукой, все еще пытаясь достать из кармана револьвер.

Я обомлел, услышав вдруг знакомый голос, который вскричал:

— Посмотрим, какого зверя я вспугнул!

Еще до того, как вспыхнул огонек фонарика с увеличительным стеклом, я понял, как жестоко ошибся. Отвратительный тип, сидевший позади меня в трактире, был не кто иной, как Холмс, переодетый и загримированный!

— Уотсон!

Он был поражен не меньше, чем я.

— Холмс! Господи помилуй, да ведь если бы мне удалось вытащить револьвер, я мог застрелить вас!

— И поделом было бы, — проворчал он. — Уот-

сон, можете считать меня ослом.

Он оторвал от меня свое гибкое тело и, схватив за руку, хотел помочь мне встать. Даже в тот момент, уже зная, что это мой старый друг, я не мог не подивиться его великолепному гриму, изменившему до неузнаваемости его лицо.

У нас не было времени для взаимных упреков. Когда Холмс поднимал меня, мы услышали пронзительный крик, разорвавший тишину ночи. Холмс отпустил мою руку.

— Меня опередили! — вскричал он и ринулся в темноту. Пока я поднимался на ноги, вопли усиливались. И вдруг они оборвались. В жуткой тишине отчетливо слышался топот ног бегущих людей — Холмса и еще кого-то.

Должен признаться, что я проявил себя в этом деле не лучшим образом. Некогда я был чемпионом полка по боксу в среднем весе, но, видимо, те времена миновали безвозвратно. Я прислонился к кирпичной стене, стараясь справиться с тошнотой и головокружением. В этот момент я не смог бы откликнуться, даже если бы на помощь звала наша милостивая королева.

Головокружение прекратилось — окружающие строения выпрямились, и я, пошатываясь, побрел назад, нащупывая путь во тьме. Мне удалось

пройти не более двухсот шагов, когда меня остановил спокойный голос.

— Здесь, Уотсон.

Я повернулся налево и обнаружил проем в стене.

Снова послышался голос Холмса:

— Я уронил фонарь. Не поищете ли вы его, Уотсон?

Его спокойный голос особенно пугал меня, так как скрывал мучительную внутреннюю борьбу. Я знал Холмса: он был глубоко потрясен.

Я сделал шаг и наткнулся на фонарь ногой. Я зажег его и отшатнулся, увидев перед собой страшную картину. Холмс стоял на коленях, согнувшись и повесив голову, — олицетворение отчаяния.

— Я потерпел неудачу, Уотсон. Меня надо отдать под суд за преступную глупость.

Потрясенный кровавым зрелищем, я едва слушал. Джек Потрошитель дал волю своему отвратительному безумию, на этот раз избрав жертвой бедную Полли. Жуткая картина расплывалась перед моими глазами…

— Но у него было так мало времени! Каким образом?..

Холмс ожил и вскочил на ноги.

— Пошли, Уотсон! Следуйте за мной!

Всю дорогу он намного опережал меня, но я не терял его из виду, и когда я наконец нагнал его, то обнаружил, что он изо всех сил стучит в дверь ломбарда Джозефа Бека.

— Бек, — кричал Холмс, — выходите! Я требую, чтобы вы немедленно вышли! — Он снова и снова колотил кулаком в двери. — Откройте дверь, или я вышибу ее!

Наверху появился освещенный прямоугольник. Открылось окно. Из него высунулась голова. Джозеф Бек крикнул:

— Вы что, с ума сошли? Кто вы такие?

В свете лампы, которую он держал в руке, были видны ночная сорочка с высоким воротником и ночной колпак с красной кисточкой.

Холмс отошел и громко прокричал ему в ответ:

— Сэр, я Шерлок Холмс, и если вы не спуститесь немедленно, я взберусь на эту стену и выволоку вас за волосы.

Бек, естественно, был ошарашен: Холмс все еще был в гриме.

Я попытался помочь делу.

— Герр Бек, вы помните меня, не правда ли?

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Вы один из двух джентльменов…

— И уверяю вас, что это мистер Шерлок Холмс.

Ростовщик колебался. Но потом сказал:

— Очень хорошо. Сейчас спущусь.

Холмс нетерпеливо шагал, пока свет не показался в ломбарде и входная дверь не открылась.

— Выходите, Бек! — скомандовал Холмс грозным голосом.

Испуганный немец повиновался. Сильная рука моего друга схватила ростовщика, который тщетно пытался увернуться. Холмс разорвал перед его ночной сорочки, обнажив голую грудь, покрытую мурашками от холода.

— Что вы делаете, сэр? — спросил ростовщик дрожащим голосом. — Я не понимаю.

— Помолчите! — резко сказал Холмс, и в свете лампы Бека стал тщательно рассматривать его грудь.

— Куда вы отправились, Бек, после того как ушли из «Ангела и короны»? — спросил Холмс, отпустив ростовщика.

— Куда я отправился? Я пошел домой, в постель.

После того как Холмс понизил тон, Бек пришел в себя и теперь был настроен враждебно.

— Да, — проговорил Холмс задумчиво, — похоже, что это так. Возвращайтесь в постель, сэр.

Сожалею, что напугал вас.

Холмс бесцеремонно повернулся, и я вслед за ним. Когда мы дошли до угла, я обернулся и увидел, что Бек все еще стоит перед ломбардом. В своем странном облачении, с высоко поднятой в руке лампой, он казался карикатурой на статую Свободы, подаренную Соединенным Штатам народом Франции, огромную, полую бронзовую статую, которая ныне стоит у входа в нью-йоркскую гавань.

Мы вернулись к месту преступления и увидели, что труп бедной Полли обнаружен. Большая толпа любопытных, одержимых болезненной страстью к такого рода зрелищам, забила вход на улицу, в то время как фонари официальных лиц рассеивали мрак вокруг места происшествия.

Холмс мрачно созерцал эту сцену, засунув руки глубоко в карманы.

— Нет никакого смысла выдавать наше присутствие, Уотсон, — пробормотал он. — Это только повлечет за собой бесплодные объяснения с Лестрейдом.

Меня не удивило, что Холмс предпочитал не раскрывать нашу роль свидетелей жуткого происшествия. Он действовал сообразно своим методам; к тому же в данном случае задето было

его самолюбие.

— Давайте улизнем потихоньку, Уотсон, — с горечью сказал он, — как подобает безмозглым идиотам, какими мы оказались.

Глава 7
МЯСНИК ЗА РАБОТОЙ

— Дело в том, Уотсон, что вы не заметили укутанного в плащ Джозефа Бека, который выходил из трактира как раз в тот момент, когда девица собралась на улицу. Вы следили только за мной.

Я с горечью сознавал, что не он, а я был виноват в происшедшем, хотя в его тоне не было и намека на это. Я пытался признать свою оплошность, но он прервал мои извинения.

— Нет, нет, — сказал он, — только из-за моей глупости злодей ускользнул из наших рук, а вовсе не из-за вас!

Опустив голову на грудь, Холмс продолжал:

— Когда я вышел из трактира, девица заворачивала за угол, Бека нигде не было видно, и я мог только предположить, что он либо отправился в другом направлении, либо притаился в одном из ближайших темных парадных. Я остановился на первом предположении и пошел за девицей. Свернув за угол, я услышал звуки приближающихся шагов, и краем глаза увидел, как какой-то мужчина в плаще идет за нами. Конечно, у меня

и мысли не было, что это вы, — притом, честно говоря, ваша фигура не слишком отличается от фигуры Бека, Уотсон, — я решил, что крадущийся мужчина — это наш ростовщик. Я, в свою очередь, спрятался, и когда услышал крик, то подумал, что мне удалось выследить Потрошителя. После чего напал на него и обнаружил мою непростительную ошибку.

Мы закончили свой утренний чай, и Холмс в ярости шагал по гостиной на Бейкер-стрит. Я встревоженно следил за его движениями.

— Потом, — продолжал Холмс с ожесточением, — пока мы были поглощены своими неудачами, Потрошитель нанес удар. До чего же наглый этот дьявол! — воскликнул он. — Презрение ко всему и всем, невероятная самоуверенность — вот спутники его преступлений! Верьте мне, Уотсон, я засажу чудовище в тюрьму, даже если это будет последним делом моей жизни!

— Похоже, что с Джозефа Бека подозрение снято, — сказал я, пытаясь рассеять горькие мысли Холмса.

— Безусловно. Бек не мог добраться до дома, смыть с себя кровь, раздеться, облачиться в ночную сорочку и колпак до нашего прихода.

Холмс схватил трубку из вишневого дерева,

персидские шлепанцы и тут же в сердцах отбросил их.

— Уотсон, — сказал он, — единственное, чего мы достигли вчера вечером, это устранили одного подозреваемого из миллионов людей, проживающих в Лондоне. Такими темпами мы сумеем выследить преступника где-то в следующем столетии.

Я не мог ничего возразить. Но Холмс вдруг расправил свои худые плечи и устремил на меня взгляд стальных глаз.

— Довольно об этом, Уотсон! Уподобимся Фениксу. Одевайтесь, мы нанесем еще один визит в морг доктора Мэррея.

Через час мы стояли на Монтегю-стрит перед входом в эту мрачную обитель. Холмс внимательно оглядел жалкую улочку.

— Уотсон, — сказал он, — я хотел бы иметь более детальное представление об этом районе. Пока я побуду здесь, не можете ли вы разведать, что находится на ближайших улицах?

Горя желанием загладить вину за ошибки предыдущего вечера, я с готовностью согласился.

— Когда вы закончите осмотр, вы наверняка найдете меня в приюте.

И Холмс вошел в ворота.

Я обнаружил, что на Монтегю-стрит нет обычных магазинов. Дальняя сторона улицы была застроена складами, которые смотрели на меня запертыми входами и не подавали никаких признаков жизни.

Но, повернув за угол, я увидел более оживленную картину. Там находилась палатка зеленщика, возле которой домашняя хозяйка выторговывала кочан капусты. В следующем доме помещалась табачная лавка. За ней виднелась маленькая, невзрачная пивнушка, над дверью которой висела потрепанная вывеска, изображавшая кеб.

Мое внимание вскоре привлек широкий проем на той стороне улицы, по которой я шел. Оттуда доносился пронзительный визг. Я прошел под старой каменной аркой во двор и очутился на бойне. В углу в небольшом загоне сбились в кучу четыре тощие свиньи. Подручный мясника — молодой парень с мощными бицепсами, в окровавленном переднике, хладнокровно делал свое дело.

Я отвернулся. Мое внимание привлек вид идиота, в котором Шерлок Холмс и его брат Майкрофт признали Майкла Осборна. Он сидел на корточках в углу бойни, забыв обо всем на свете, кроме действий мясника. Он пожирал глазами окровавленные туши животных с поистине па-

тологическим интересом.

Проделав предварительную работу, подручный мясника отошел назад и удостоил меня улыбки.

— Хотите разжиться куском свинины?

— Надо сказать, что ваша работа ведется не в самых чистых условиях, — сказал я с неприязнью.

— Чистых, говорите, — усмехнулся парень. — Да здесь людей от многого другого тошнит, сэр! Плевать им, если свинина чуть-чуть подпачкана, и они правы, черт побери! — Он подмигнул. — Особливо девки. Они по ночам больше думают о том, как свою шкуру уберечь.

— Вы имеете в виду Потрошителя?

— А кого же еще? Из-за него все потаскушки в последнее время дрожат.

— А вы знали девушку, которая была убита вчера вечером?

— Знал. Дал ей на днях вечерком два с половиной шиллинга. У бедной девки нечем было заплатить за квартиру, а я не жадный. Не могу видеть, когда девушка топает по улицам в тумане оттого, что ей негде спать.

Чисто инстинктивно я продолжил этот малоприятный разговор.

— У вас нет никакой идеи насчет того, кто же все-таки Потрошитель?

— Почем мне знать, сэр? Да хоть ваша милость, а что? Он вполне может быть джентльменом. Согласны?

— Почему вы это говорите?

— Почему? Потому что джентльмен накидкой прикроет свою одежду, и кровавых пятен не видать! Согласны? Ну, ладно, надо разделывать тушу.

Я поспешно покинул бойню, унося с собой образ Майкла Осборна, сидящего на корточках в углу, не отводя слезящихся глаз от кровавого зрелища. Что бы ни говорил Холмс, для меня этот жалкий изгой общества оставался главным подозреваемым.

Я обогнул площадь и вошел в морг через ворота на Монтегю-стрит, собираясь пройти в приют. В морге не было никого. Пройдя вдоль помоста, я подошел к столу, стоявшему на возвышении. На нем лежало тело, прикрытое белой простыней. Я постоял, задумавшись, потом, побуждаемый неясным чувством, откинул простыню с лица.

Страдания Полли отошли в прошлое, и ее мраморное лицо отражало покорное приятие того, что она обнаружила по ту сторону ограды. Я не считаю себя сентиментальным человеком, но думаю, что в смерти, как бы она ни наступила,

есть определенное достоинство. И хотя я не отличаюсь религиозностью, я прошептал короткую молитву о спасении души несчастной девушки.

Холмса я нашел в столовой приюта в обществе лорда Карфакса и мисс Селли Янг. Последняя встретила меня приветливой улыбкой.

— Доктор Уотсон, позвольте мне принести вам чашку чая.

Поблагодарив, я отказался. А Холмс быстро сказал:

— Вы вовремя пришли, Уотсон. Его светлость собирается предоставить нам кое-какую информацию.

Его светлость, казалось, несколько колебался.

— Вы можете с полным доверием говорить при моем друге, ваша светлость.

— Извольте, мистер Холмс. Майкл уехал из Лондона в Париж примерно два года тому назад. Я ожидал, что он будет вести беспорядочный образ жизни в этом самом безнравственном из городов, но тем не менее старался поддерживать с ним связь. И я был удивлен и обрадован, когда узнал, что он поступил в Сорбонну, чтобы изучать медицину. Мы продолжали переписку, и я стал оптимистически смотреть на его будущее. Казалось, мой младший брат открыл новую страницу

своей жизни.

Подвижное лицо Карфакса приняло грустное выражение.

— Но тут произошло несчастье. Я с ужасом узнал, что Майкл женился на уличной женщине.

— Вы ее видели, милорд?

— Никогда, мистер Холмс. Откровенно признаю, что у меня не было желания увидеться с ней. Однако если бы обстоятельства так сложились, я бы с ней встретился.

— Откуда в таком случае вам известно, что она проститутка? Ваш брат вряд ли включил эту деталь в перечень подробностей, когда уведомил вас о своем браке.

— Мой брат мне ничего такого не сообщил. Я узнал об этом из письма одного из студентов, человека, с которым не был знаком, но чье послание отражало искренний интерес к судьбе Майкла. Этот джентльмен уведомил меня о профессии Анджелы Осборн и высказал мнение, что, если я дорожу будущим брата, мне следует немедленно приехать в Париж и попытаться повлиять на него, пока жизнь его еще не безвозвратно загублена.

— Вы сообщили отцу об этом письме?

— Никоим образом! — резко сказал лорд Кар-

факс. — К сожалению, автор письма сам позаботился об этом. Он отправил два письма, видимо, на случай, если один из нас не обратит на письмо должного внимания.

— Как реагировал ваш отец?

— Вряд ли есть смысл задавать этот вопрос, мистер Холмс.

— Герцог не пожелал получить подкрепляющих доказательств?

— Нет. Письмо выглядело правдивым. Я сам не сомневался в нем. К тому же его содержание вполне соответствовало тому, что отец уже и сам знал. — Лорд Карфакс сделал паузу, и лицо его исказилось болью. — Я подозревал, что отец тоже может получить письмо, и поэтому помчался в его городской дом. Когда я приехал, он стоял перед мольбертом в студии. Увидев меня, натурщица прикрыла наготу халатом, а отец положил кисть и спокойно взглянул на меня. Он спросил: «Ричард, что привело тебя в это время дня?»

Я увидел, что возле его палитры лежит конверт с французской маркой, и указал на него. «Я полагаю, что это письмо из Парижа». «Ты прав». Он взял конверт, не вынимая содержимого. «Уместней было послать с черной каймой». «Не понимаю вас», — ответил я. Он положил письмо

на место. «Разве не так извещают о смерти? Для меня это письмо — весть о кончине Майкла. В моем сердце заупокойная уже прочитана, и тело предано земле».

Его страшные слова потрясли меня. Но, зная, что спорить бесполезно, я ушел.

— Вы не попытались связаться с Майклом? — спросил Холмс.

— Нет, сэр. Я считал, что ничего поправить нельзя. Однако месяца два спустя я получил анонимную записку, в которой говорилось, что если я приду в этот приют, то найду там нечто, представляющее интерес. Я так и сделал. Нет надобности говорить вам, что я обнаружил.

— А записка? Вы сохранили ее, ваша светлость?

— Нет.

— Жаль.

Лорд Карфакс, казалось, боролся с прирожденной скрытностью. И вдруг его будто прорвало.

— Мистер Холмс, не могу описать, что испытал я, увидев Майкла в его нынешнем состоянии, жертвой нападения.

— И что же вы предприняли, позвольте спросить?

Лорд Карфакс пожал плечами.

— Приют мне представляется не худшим местом для него.

Мисс Селли Янг в изумлении молчала, глаза ее неотступно следили за лицом его светлости. Лорд Карфакс заметил это. С печальной улыбкой он сказал:

— Я надеюсь, вы простите мне, дорогая, что я не рассказал вам об этом раньше. Но это казалось ненужным, даже неразумным. Я хотел, чтобы Майкл оставался здесь. И, по правде говоря, не горел желанием признаться вам и вашему дяде, что это мой брат!

— Понимаю, — сказала девушка. — Вы имели право хранить свою тайну, милорд, хотя бы потому, что оказываете приюту столь щедрую поддержку.

Холмс внимательно изучал лорда Карфакса во время его рассказа.

— Вы не предприняли больше никаких розысков?

— Я связывался с парижской полицией и Скотленд-Ярдом и запросил, нет ли в их материалах какого-либо сообщения о таком нападении, которому подвергся мой брат. В их архивах таких сообщений не обнаружилось, — ответил лорд Карфакс.

— Хочу поблагодарить вас, милорд, за то, что вы были так откровенны в столь трудных обстоятельствах.

Лорд Карфакс слабо улыбнулся.

— Уверяю вас, сэр, что я сделал это не совсем по собственному желанию. Не сомневаюсь, что так или иначе вы получили бы эту информацию. Может быть, узнав все от меня, вы оставите в покое Майкла.

— Не могу вам этого обещать.

Лицо лорда Карфакса стало напряженным.

— Клянусь честью, сэр, Майкл не имеет никакого отношения к страшным убийствам.

— Вы успокоили меня, — ответил Холмс, — и я обещаю вашей светлости приложить все силы, чтобы избавить вас от дальнейших страданий.

Лорд Карфакс молча поклонился.

Засим мы распрощались. Но когда мы выходили из приюта, перед моими глазами все еще стоял Майкл Осборн, забившийся в угол бойни и будто завороженный видом крови.

ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ ДОКЛАДЫВАЕТ

Грант Эймс-третий, изможденный, лежал на диване Эллери Куина, балансируя бокалом.

— Я ушел эдаким бодрячком, а вернулся развалиной.

— Всего после двух интервью?

Эллери, все еще в пижаме, согнулся над пишущей машинкой и скреб отросшую порядочную бородку. Он напечатал еще четыре слова и остановился.

— Вы уверены, что ни та, ни другая не положила рукопись к вам в машину?

— Мэдж Шорт считает, что Шерлок — это что-то вроде новой прически. А Кэтрин Лэмберт… Кэт неплохая девчушка. И знаете, она рисует. Оборудовала чердак в Гринидж-Виллидже. Очень напористая. Такой тип — как натянутая пружина.

— Может, они вас провели, — сказал Эллери жестко. — Вас нетрудно одурачить.

— Я все доподлинно выяснил, — сказал Грант с достоинством. — Я задавал хитрые вопросы.

Глубокие. Проницательные.

— Например?

— Например: «Кэт, это вы положили рукопись, адресованную Эллери Куину, на сиденье моей машины?»

— И каков был ответ?

Грант пожал плечами.

— Он имел форму контрвопроса: «А кто такой Эллери Куин?»

— Я не просил вас недавно убраться вон?

— Будем добры друг к другу, дружище, — Грант сделал паузу, чтобы отхлебнуть виски. — Я не считаю, что потерпел полное поражение. Просто сократил поле действия наполовину. Я буду упорно продвигаться вперед.

— Кто на очереди?

— Рейчел Хэгер. Третья в моем списке. Остается еще Пэген Келли, девушка из Беннингтона, которую можно увидеть почти в каждом пикете, участники которого выступают с глупейшим протестом.

— Двое подозреваемых, — сказал Эллери. — Но не спешите. Пойдите куда-нибудь и обдумайте план атаки.

— Вы хотите, чтобы я зря убил время?

— Мне казалось, что это ваше любимое заня-

тие.

— А закончили вы чтение рукописи? — спросил повеса, не сдвигаясь с места.

— Я занят своим детективом.

— Прочли ли вы уже достаточно, чтобы найти убийцу?

— Братец, — сказал Эллери, — я еще не нашел убийцу в собственной книге.

— И как только вы заимели свою репутацию? — ехидно спросил молодой человек. И ушел.

У Эллери было такое чувство, что мозги его онемели как затекшая нога. Клавиатура пишущей машинки, казалось, отодвинулась на тысячи ярдов.

Ему не надо было ломать голову над тем, кто послал ему рукопись через Гранта Эймса-третьего. Ответ на этот вопрос он уже знал.

Эллери направился в спальню, поднял рукопись доктора Уотсона с пола, и, растянувшись на кровати, продолжил чтение.

Глава 8
ВИЗИТЕР ИЗ ПАРИЖА

Последние дни измотали и меня, и Холмса. За все время нашей дружбы я никогда не видел его таким беспокойным, и никогда не было так трудно с ним ладить.

После нашего разговора с лордом Карфаксом Холмс перестал со мной общаться. Все мои попытки завязать разговор игнорировались. Тогда мне пришло в голову, что я вторгся в это дело глубже, чем в любое другое его расследование, в котором принимал участие, и только его запутал. Наказание, которому я подвергся, видимо, было заслуженным. Поэтому я решил довольствоваться обычной ролью стороннего наблюдателя и ожидать дальнейших событий.

А их все не было. Холмс, подобно Потрошителю, превратился в ночное существо. Он исчезал с Бейкер-стрит каждый вечер, возвращался на рассвете, а день проводил в молчаливом раздумье. Я не выходил из своей комнаты, зная, что в такие моменты ему необходимо побыть одному. Иногда слышались стенания его скрипки. Когда

я уже не мог больше выносить этого пиликанья, я выходил из дому и окунался в благословенный шум лондонских улиц.

На третье утро я пришел в ужас от его вида.

— Холмс, ради всего святого! — воскликнул я. — Что с вами случилось?

Пониже правого виска виднелся уродливый багрово-черный синяк, левый рукав сюртука был оторван, а глубокий порез на запястье, несомненно, сильно кровоточил. Он прихрамывал и был так перепачкан, как любой из уличных мальчишек, которых он часто посылал с таинственными заданиями.

— Конфликт в темном переулке, Уотсон.

— Позвольте мне перевязать ваши раны.

Я принес медицинский чемоданчик из своей комнаты. Он мрачно протянул мне руку с окровавленными костяшками пальцев.

— Я пытался выманить нашего противника, Уотсон. Мне это удалось.

Усадив Холмса на стул, я приступил к осмотру.

— Удалось, но я потерпел неудачу.

— Вы подвергаете себя опасности, Холмс.

— Убийцы, двое убийц, клюнули на мою приманку.

— Те же самые, которые уже нападали на нас?

— Да. Моя цель состояла в том, чтобы упрятать одного из них в тюрьму, но мой револьвер дал осечку — такое чертовское невезенье! — и оба удрали.

— Прошу вас, Холмс, успокойтесь. Прилягте. Закройте глаза. Пожалуй, следует дать вам успокоительное.

Он сделал нетерпеливый жест.

— Все это ерунда, простые царапины! Моя неудача — вот отчего мне больно. Если бы мне удалось задержать одного из мерзавцев, я бы очень быстро узнал имя его хозяина!

— Вы предполагаете, что эти скоты совершают все злодейские убийства?

— Господь с вами! Конечно, нет. Это обыкновенные уличные громилы на службе жестокого негодяя, которого мы разыскиваем. — Холмс нервно передернулся. — Еще одного, Уотсон, кровожадного тигра, который рыскает на свободе в джунглях Лондона.

Я вспомнил имя, нагонявшее ужас.

— Профессор Мориарти?

— Мориарти не имеет к этому отношения. Я проверял, чем он занят и где находится. Он далеко отсюда. Нет, это не профессор. Я уверен, что человек, которого мы ищем, — один из четырех.

— Каких четырех вы имеете в виду?

Холмс пожал плечами.

— Какое это имеет значение, если я не могу схватить его!

Холмс откинулся на спинку стула и смотрел на потолок сквозь полуприкрытые, отяжелевшие веки. Но усталость не притупляла его умственной деятельности.

— «Тигр», о котором вы говорите, — спросил я, — какую пользу он извлекает из убийства этих несчастных?

— Дело гораздо более запутано, чем вам представляется, Уотсон. Есть несколько темных нитей, которые вьются и крутятся в этом лабиринте.

— Да еще этот слабоумный в приюте, — пробормотал я.

На лице Холмса появилась безрадостная улыбка.

— Боюсь, мой дорогой Уотсон, что вы ухватились не за ту нить.

— Не могу поверить, что Майкл Осборн никаким образом не замешан.

— Замешан — да. Но…

Он не закончил фразу, потому что внизу раздался звонок. Вскоре мы услышали, как миссис Хадсон отворяет дверь. Холмс сказал:

— Я ожидал посетителя. Он не замедлил явиться. Прошу вас, Уотсон, останьтесь. Мой сюртук, пожалуйста. Я не должен выглядеть как хулиган, участвовавший в уличной потасовке и прибежавший к врачу за помощью.

К тому времени, когда он надел сюртук и раскурил трубку, миссис Хадсон появилась, введя за собой в гостиную высокого, белокурого, красивого молодого человека. На мой взгляд, ему было тридцать с небольшим. Несомненно, это был воспитанный человек. Если не считать первого испуганного взгляда, он не подал виду, что заметил странный вид Холмса.

— Мистер Тимоти Уэнтуорт, не так ли? — спросил Холмс. — Добро пожаловать, сэр. Присаживайтесь к камину. Сегодня утро сырое и холодное. Знакомьтесь, это мой друг и коллега доктор Уотсон.

Мистер Уэнтуорт поклонился и сел на предложенный стул.

— Ваше имя знаменито, — сказал он, — так же, как и имя доктора Уотсона. Для меня большая честь познакомиться с вами. Но я чрезвычайно загружен в Париже и вырвался только ради своего друга Майкла Осборна. Я был крайне озадачен его таинственным исчезновением. Если я могу

что-либо сделать, чтобы помочь Майклу, я сочту, что стоило терпеть неудобства переезда через Ла-Манш.

— Редкая преданность, — сказал Холмс. — Быть может, мы сумеем просветить друг друга, мистер Уэнтуорт. Если вы расскажете нам, что вам известно о пребывании Майкла в Париже, я поведаю вам конец этой истории.

— Я познакомился с Майклом, — начал Тимоти, — примерно два года тому назад, когда мы оба поступили в Сорбонну. Полагаю, он привлекал меня потому, что мы полная противоположность. Я человек скромный, мои друзья даже считают меня застенчивым. Майкл, напротив, отличался пылким нравом — был веселым, порой готовым ввязаться в драку, если ему казалось, что его обманывают. Он никогда не скрывал, что думает — по любому поводу. Тем не менее, делая скидку на недостатки друг друга, мы ладили между собой. Майкл был мне по душе.

— И вы ему, сэр, нисколько не сомневаюсь, — сказал Холмс. — Но скажите мне, что вам было известно о его личной жизни?

— Мы были откровенны друг с другом. Вскоре я узнал, что он второй сын английского аристократа.

— Не был ли он озлоблен тем, что ему не повезло и он родился вторым?

Мистер Тимоти Уэнтуорт, нахмурившись, обдумывал ответ.

— Я бы сказал «да», и все-таки «нет». Майкл иногда как бы вырывался из узды и вел буйный образ жизни. А воспитание и происхождение не допускали подобного поведения, и он испытывал чувство вины, которое его тяготило. Так вот, положение второго сына было для него своего рода предлогом попирать каноны и таким образом оправдывать свое буйство. — Наш молодой гость смущенно замолчал. — Боюсь, что я плохо излагаю свою мысль.

— Напротив, — заверил его Холмс. — Вы выражаетесь очень ясно. И я могу предположить, не правда ли, что Майкл не затаил обиды ни на своего отца, ни на старшего брата?

— Уверен, что нет. Но я могу понять также противоположное мнение — герцога Шайрского. Я представляю себе герцога гордым, даже высокомерным: главная забота его — сохранить честь имени.

— Именно таков он на самом деле. Но прошу вас, продолжайте.

— Ну, а потом Майкл связался с этой женщи-

ной. — Неприязнь Тимоти Уэнтуорта явственно сквозила в его тоне. — Майкл познакомился с ней в одном из вертепов на пляс Пигаль. Он рассказал мне о ней на следующий день. Я не придал этому значения, полагая, что это — мимолетное увлечение. Но сейчас я понимаю, что охлаждение дружеских чувств Майкла ко мне началось именно с этого момента. Оно было медленным, если измерять часами и днями, но и достаточно быстрым — с того дня, когда он рассказал о встрече с ней, и до того утра, когда он упаковал свои вещи в нашем обиталище и сообщил мне, что женился на этой женщине.

— Вы, наверное, были шокированы, сэр, — вставил я.

— Шокирован — это не то слово. Я был потрясен! Когда я очнулся и пытался отговорить его, он только рявкнул, чтобы я не совался в чужие дела, и ушел. — Глубокое сожаление отразилось в честных голубых глазах молодого человека. — Это был конец нашей дружбы.

— Вы больше его не видели? — тихо спросил Холмс.

— Я пытался сделать это и видел его мельком еще два раза. Вскоре Майкл был исключен из Сорбонны. Когда я узнал об этом, то решил разыскать

его и обнаружил, что он живет в невообразимом убожестве на левом берегу Сены. Он был один, но я предполагаю, что его жена жила вместе с ним. Он был навеселе и принял меня враждебно. Это был как бы совершенно другой человек. Я не мог даже начать разговор, поэтому я положил немного денег на стол и ушел. Две недели спустя я встретил его на улице, близ Сорбонны. Его вид задел меня за живое: он был словно заблудшая душа, с тоской вернувшаяся взглянуть на упущенные возможности. Но вел он себя по-прежнему вызывающе. Когда я попытался заговорить с ним, он огрызнулся и крадучись ускользнул.

— Таким образом, насколько я понимаю, вы ни разу не видели его жену.

— Не видел. Но о ней ходили слухи. Рассказывали по секрету, что у нее был сообщник, человек, с которым она жила как до, так и после замужества. Я, впрочем, не располагаю никакими конкретными фактами на этот счет. — Он замолчал, словно задумался над трагической судьбой своего друга. Затем поднял голову и вновь заговорил, еще более взволнованно. — Я думаю, что в истории с этим гибельным браком Майкла обманули и что он никоим образом не стремился сознательно опозорить родовое имя.

— И я думаю, — сказал Холмс, — что могу успокоить вас в этом отношении. Недавно ко мне попал набор хирургических инструментов Майкла, и, осматривая его, я обнаружил, что он тщательно прикрыл замысловатый герб, который был вытиснен на нем, бархатной подкладкой.

Глаза Тимоти Уэнтуорта расширились.

— Он был вынужден продать свои инструменты?

— Хочу подчеркнуть то обстоятельство, — продолжал Холмс, — что самый акт сокрытия герба свидетельствует не о желании опозорить, а скорее об усилии защитить имя, которое он якобы хотел смешать с грязью.

— Невыносимо, что его отец не поверит этому. Но теперь, сэр, я рассказал вам все, что знаю, и горю нетерпением послушать вас.

Холмс явно колебался. Он встал со стула и быстро прошелся по комнате. Потом остановился.

— Вы ничего не можете сделать для Майкла, сэр, — сказал он.

— Но ведь мы договорились!

— Некоторое время спустя после того, как вы видели Майкла, с ним произошел несчастный случай. В настоящее время он не более чем плоть, лишенная разума, мистер Уэнтуорт. Он не помнит

своего прошлого, и его память, вероятно, никогда не восстановится. Но о нем заботятся. Как я уже сказал, вы ничего не можете сделать для него, и, советуя вам не искать с ним встречи, я пытаюсь избавить вас от дальнейших переживаний.

Тимоти Уэнтуорт хмуро смотрел в пол, обдумывая совет Холмса. Я был рад, когда, вздохнув, он сказал:

— Хорошо, мистер Холмс, в таком случае вопрос исчерпан. — Уэнтуорт встал и протянул руку. — Но, если когда-нибудь я смогу что-либо сделать, сэр, пожалуйста, свяжитесь со мной.

— Можете рассчитывать на меня.

После того как молодой человек ушел, Холмс продолжал молча стоять, глядя в окно на нашего удаляющегося визитера. Наконец он заговорил, но так тихо, что я едва мог разобрать слова.

— Чем более глубоки наши заблуждения, Уотсон, тем больше льнет к нам настоящий друг.

— О чем вы, Холмс?

— Так. Одна мимолетная мысль!..

В этот момент внизу зазвонил звонок, потом раздался топот ног и наша дверь распахнулась. На пороге стоял тощий юнец.

— Который из господ мистер Шерлок Холмс? — спросил он.

Получив ответ, посыльный протянул Холмсу сверток и умчался со всех ног.

Холмс развернул пакет.

— Недостающий скальпель! — вскричал я.

ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ КУИНА СНОВА ЗАНИМАЕТСЯ РОЗЫСКОМ

— Рейчел?

Она оглянулась через плечо.

— Грант? Грант Эймс!

— Да вот решил заглянуть, — сказал повеса.

Рейчел Хэгер была одета в джинсы и плотно облегающий свитер. У нее были длинные ноги и тонкая фигурка, не лишенная округлостей. Губы полные, нос вздернутый, а глаза какого-то необычного цвета. Она показалась Гранту похожей на Мадонну, случайно забежавшую в сад.

У нее был совсем другой вид в тот раз, подумал он и указал на цветы, с которыми она возилась:

— Я не знал, что вы выращиваете розы.

— Боюсь, что пока мне нечем похвастаться, — засмеялась она. — Что привело вас в пустынные просторы Нью-Рошелла?

— Просто проезжал мимо. Я ведь едва успел сказать вам «хелло» у Литы в тот день.

— Я попала туда случайно. И быстро ушла.

— Я заметил, что вы не плавали.

— Неужели, Грант? Какой приятный компли-

мент. Большей частью на девушек обращают внимание именно тогда, когда они плавают. Хотите выпить?

— Я бы предпочел чай со льдом.

— В самом деле? Я мигом.

Вернувшись, она села на низенький дачный стул, неудобно скрестив длинные ноги. Почему-то это растрогало Гранта.

— Я пытался вспомнить, сколько раз я вас видел. Впервые на лыжне, правильно?

— Насколько я помню, да.

— Нас познакомила Джилли Харт.

— Я помню потому, что сломала лодыжку во время спуска. Но как вы могли запомнить с вашим-то гаремом?

— Не такой уж я легкомысленный, — сказал Грант ворчливо.

— Я хочу сказать, с какой радости вам помнить меня? Вы никогда не проявляли…

— Сделайте мне одолжение, Рейчел.

— Какое?

— Пожалуйста, продолжайте окапывать свои розы. Мне хочется сидеть здесь и смотреть на вас.

— Грант, зачем вы пришли?

— Что?

— Я спросила, зачем вы пришли сюда?

— Будь я проклят, если помню.

— Держу пари, что вспомните, если захотите, — сказала девушка довольно мрачно. — Постарайтесь.

— Погодите. А! Спросить вас, не положили ли вы конверт из грубой бумаги на сиденье моего «ягуара» в тот вечер у Литы. Но к черту конверт! Какое удобрение вы применяете?

— У меня нет постоянной формулы. Я все время экспериментирую. Грант, что с вами?

Он посмотрел на маленькую загорелую руку, которая лежала на его руке.

Боже мой, это случилось!

— Если я вернусь в семь часов, вы уже будете одеты?

Она посмотрела на него с пробуждающимся пониманием.

— Конечно, Грант, — тихо ответила она.

— И вы не против, если я буду хвастаться вами в разных местах?

Он ощутил пожатие ее руки.

— Какой вы славный!

— Эллери, я нашел ее, я нашел ее! — лепетал Грант Эймс-третий по телефону.

— Нашли ту, которая положила рукопись в

вашу машину? — оживился Эллери.

— Что? — переспросил Грант.

— Конверт. Рукопись.

— А… — Наступило молчание. — Знаете что, Эллери?

— Да?

— Мне было абсолютно не до этих глупостей.

Глава 9
ЛОГОВО ПОТРОШИТЕЛЯ

Оставалось только ждать. Пытаясь убить время, я снова повторял мысленно все события прошедших дней. При этом я старался использовать методы, которые постоянно применял Холмс. Его замечание, что Потрошитель — один из четырех, конечно, занимало немало места в моих размышлениях, но меня сбивали с толку другие элементы головоломки: утверждение Майкрофта, что Холмс располагает пока не всеми деталями, а также стремление Холмса схватиться с «тигром», рыскающим в лондонских закоулках. Но кто же такой «тигр»? И почему необходимо выследить его прежде, чем можно будет призвать к ответу Потрошителя?

Как бы я ликовал, если бы знал, что держал уже тогда в руках ключ загадки. Но я был слеп и ничего не подозревал.

Я пытался поймать разбегавшиеся мысли, и монотонное течение времени было прервано лишь один раз, когда щеголевато одетый посыльный принес письмо на Бейкер-стрит.

— Послание от мистера Майкрофта Холмса мистеру Шерлоку Холмсу, сэр.

— Мистер Холмс в данный момент отсутствует, — сказал я. — Можете оставить письмо.

Отпустив посыльного, я стал рассматривать запечатанный конверт со штампом Форин-офис. Именно в этом ведомстве подвизался Майкрофт.

Меня так и подмывало вскрыть конверт, но, конечно, я этого не сделал. Я положил его в карман и продолжал шагать по комнате. Шли часы, но Холмса все не было.

Время от времени я подходил к окну и смотрел, как сгущается над Лондоном туман. Наступили сумерки, и я подумал, что ночь как раз для Потрошителя.

Поразительно, что как только эта мысль пришла мне в голову, я получил записку от Холмса. Я вскрыл ее дрожащими руками. Паренек, который ее принес, стоял в ожидании.

«Мой дорогой Уотсон!

Дайте этому мальчику полкроны за труды. Жду вас на Монтегю-стрит. Шерлок Холмс».

Я уверен, что этот славный, со смышленой мордашкой паренек никогда не получал столь щедрых чаевых. На радостях я дал ему целую крону.

И вот я уже ехал в кебе, умоляя кучера двигаться побыстрее в тумане, который становился все более похожим на густой гороховый суп. К счастью, возница обладал поразительной способностью находить дорогу. Прошло совсем немного времени, и он сказал:

— Вход справа, сэр. Идите и берегите нос, а то врежетесь в чертовы ворота.

Я рукой нашарил ворота, вошел внутрь, пересек двор и, зайдя в заведение доктора Мэррея, увидел Холмса.

— Еще одна, Уотсон, — такой страшной новостью встретил он меня. Доктор Мэррей молча стоял возле стола, на котором лежало тело. Майкл-Пьер жался к стене, лицо его выражало неприкрытый страх.

— Бога ради, Холмс, — вскричал я, — чудовище надо остановить!

— Не вы один молите об этом, Уотсон.

— Скотленд-Ярд вам чем-нибудь помог?

— Пожалуй, Уотсон, — ответил он мрачно. — Но помог ли я чем-нибудь Скотленд-Ярду? Боюсь, почти ничем.

Мы попрощались с Мэрреем…

На улице, в клубящемся тумане, меня охватила дрожь.

— Этот несчастный, который некогда был Майклом Осборном…

— Вы одержимы Майклом Осборном, Уотсон.

— Может быть. — Я заставил свои мысли вернуться к предшествующим событиям. — Холмс, удалось вам поймать посыльного, который удрал?

— Я шел по его следу несколько кварталов, но он знает лондонские лабиринты не хуже меня. Я потерял его из виду.

— И как вы провели остаток дня, позвольте спросить?

— В библиотеке на Бау-стрит.

Мы медленно продвигались в сплошном тумане.

— Куда мы направляемся, Холмс?

— В Уайтчэпел. Я составил схему, Уотсон, на которой помечены места всех известных убийств Потрошителя, и наложил ее на карту района. Я твердо убежден, что Потрошитель действует из какого-то центра — комнаты или квартиры, откуда он выходит на свой страшный промысел и куда возвращается. Прежде всего надо обязательно расспросить свидетелей.

Это поразило меня.

— Я не знал, Холмс, что есть свидетели.

— Своего рода свидетели, Уотсон. В нескольких случаях Потрошитель был опасно близок к разоблачению. Я подозреваю даже, что он сознательно совершает убийства именно таким образом — из презрения и бравады. Вспомните, как мы чуть не столкнулись с ним.

— Прекрасно помню.

— Во всяком случае, я решил, что он, судя по звуку его удалявшихся шагов, движется от внешних границ круга к центру. Именно в центре этого круга мы и будем вести поиски.

Мы упорно продвигались в ночном тумане к клоакам Уайтчэпела, куда стекались людские нечистоты великого города. Холмс шел уверенно, как человек, хорошо знакомый с этими местами. Только один раз Холмс остановился и спросил:

— Между прочим, Уотсон, вы не забыли положить револьвер в карман?

— Я сделал это перед самым уходом, когда отправился на встречу с вами.

— Я тоже вооружен.

Мы начали с притона курильщиков опиума. Задыхаясь в удушливых испарениях, я шел за Холмсом мимо рядов нар, на которых возлежали наркоманы в чаду своих убогих грез. Холмс поворачивал то одного, то другого, чтобы лучше

рассмотреть. Некоторым он бросал несколько слов, иногда получал слово в ответ. Мы покинули притон, не получив там никаких ценных сведений.

Потом мы побывали в нескольких дрянных пивнушках, где нас по большей части встречала угрюмая тишина. Здесь также Холмс перекидывался редкими словами с какими-то типами. Было ясно, что он с ними знаком. Иногда одна-две монеты переходили из его руки в чью-то грязную ладонь.

Мы покинули уже третий вертеп, еще более мерзкий, чем остальные, и я не мог больше сдерживаться.

— Холмс, Потрошитель — это не причина, а результат.

— Результат, Уотсон?

— Да, таких разлагающих заведений, как эти.

Холмс пожал плечами.

— Разве у вас все это не вызывает возмущения?

— Я, конечно, приветствовал бы коренные перемены, Уотсон. Быть может, в некие далекие, просвещенные времена они наступят. Пока же я реалист. Утопия — это роскошь, а у меня нет времени мечтать.

Прежде чем я успел ответить, он открыл еще одну дверь, и мы очутились в публичном доме. Ударившая в нос волна дешевых духов чуть не сбила меня с ног. Комната, в которую мы вошли, представляла собой гостиную, где с полдюжины сильно декольтированных особ расположились в ожидании клиентов.

Расшитая бисером портьера раздвинулась, и в проеме двери показалась толстая мадам с точечками глаз, напоминавших изюминки.

— Что привело вас в такую ночь, мистер Холмс?

— Уверен, что вы знаете, Леона.

Ее лицо помрачнело.

— Как, по-вашему, почему мои девушки не на улице? Я не хочу потерять ни одну из них!

Сильно накрашенная толстушка заговорила сердито:

— А я чуть не заполучила одного господина, ей-богу, живет в Пакэне. Идет он вверх по лестнице, белый галстук, накидка… Увидел меня и остановился. А тут проклятый бобби[4] высунул свою физию из тумана и говорит: «А ну-ка, марш в свою комнату! В такую ночь нечего здесь делать».

---

[4] Примечания: 4

Бобби — прозвище английских полицейских.

Девица злобно плюнула на пол.

Голос Холмса звучал совершенно спокойно, когда он спросил:

— Джентльмен убежал, надо полагать?

— Наверх, в свою комнату, куда же еще? Но меня с собой не взял.

— И что ж, он там живет? Странное место для джентльмена, как думаешь? — Девица вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Живет, где хочет, прах его побери!

Холмс уже двигался к двери. Проходя мимо меня, он прошептал:

— Пошли, Уотсон! Скорее!

Снова мы ринулись в туман. Холмс схватил меня за руку и потащил, не раздумывая, вперед.

— Он у нас в руках, Уотсон! Я уверен. Мы выходим на след дьявола. Он может многое, но не стать же невидимкой!

В каждом слове Холмса, тащившего меня за собой, звучало торжество. Несколько минут спустя мы, спотыкаясь, поднимались по узкой лестнице вдоль деревянной стены.

Напряжение сказалось даже на невероятной выносливости Холмса. Он запыхался и с трудом выговаривал слова:

— Пакэн — это жалкие меблирашки, Уотсон. В

Уайтчэпеле их полно. К счастью, я их знаю.

Я посмотрел наверх и увидел, что мы приближаемся к приоткрытой двери. Мы достигли площадки лестницы, и Холмс ворвался внутрь. Я последовал за ним.

— Проклятье! — вскричал Холмс. — Кто-то побывал здесь до нас!

Ни разу за все время нашей дружбы я не видел Холмса в таком состоянии — это было олицетворение отчаяния. Он неподвижно стоял посреди маленькой, убого обставленной комнаты, держа в руках револьвер, его серые глаза сверкали.

— Если здесь было логово Потрошителя, — воскликнул я, — то он бежал.

— И навсегда, сомнений нет!

— Быть может, Лестрейд тоже напал на его след?

— Держу пари, что нет. Лестрейд сейчас пробирается по каким-нибудь закоулкам.

В комнате царил полный беспорядок — видно, Потрошитель уходил в спешке.

— Нет смысла оставаться здесь, — сказал Холмс, — наш противник слишком умен, чтобы оставлять улики.

В этот момент, может быть, потому, что я подсознательно стремился переключиться на другую

тему, я вспомнил о послании для Холмса.

— Между прочим, Холмс, посыльный принес сегодня днем на Бейкер-стрит письмо от вашего брата Майкрофта. Из-за всех этих волнений я забыл о нем.

Я протянул ему конверт, и он вскрыл его.

Если я ждал благодарности, то напрасно. Прочитав записку, Холмс холодно посмотрел на меня.

— Хотите послушать, что пишет Майкрофт?

— Разумеется.

— Записка гласит: «Дорогой Шерлок! В мои руки попала информация — каким образом, объясню позднее, — которая должна тебе помочь. Человек по имени Макс Клейн является владельцем притона в Уайтчэпеле «Ангел и корона». Клейн приобрел его совсем недавно — примерно четыре месяца назад. Твой брат Майкрофт».

— Да, да, Холмс, — выпалил я, — я знал об этом. Я получил эти сведения от девушки, с которой разговорился, когда сидел в «Ангеле и короне». Опасный тип этот Клейн. У меня сложилось впечатление, что он держит в страхе всю округу.

Холмс взорвался и вскинул вверх руки, сжатые в кулаки.

— Господь всемогущий, я ж бреду по колени в идиотах!

Я смог лишь проговорить слабым голосом:

— Холмс, я не понимаю…

— В таком случае вы безнадежны, Уотсон. Сперва вы получаете именно ту информацию, которая позволила бы мне распутать это дело, и блаженно держите ее при себе. Потом вы забываете отдать мне записку, содержащую тот же важнейший факт. Уотсон, Уотсон, на чьей вы стороне?

Если я раньше пришел в замешательство, то теперь я был в полной растерянности. Ни спорить, ни даже возражать я не мог.

Но Холмс не любил долгих дискуссий.

— В «Ангел и корону», Уотсон! — крикнул он, бросаясь к двери. — Нет, сперва в морг! Мы продемонстрируем дьяволу образчик его злодеяний.

ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

В дверь позвонили.

Эллери отложил рукопись. «Вероятно опять этот гуляка. Стоит ли открывать?» — подумал он.

Но это был не Грант Эймс, а посыльный, который принес неподписанную телеграмму. «КАКОГО ЧЕРТА ТЫ ВЫКЛЮЧИЛ ТЕЛЕФОН ВОПР ВКЛЮЧИ А ТО Я РЕХНУСЬ ВОСКЛ».

Оживший телефон зазвонил. Эллери выключил бритву и снял трубку. Не иначе, дорогой папочка.

Но это был вовсе не отец. Он услышал старческий дребезжащий женский голос.

— Мистер Куин?

— Да.

— Я ждала, что вы мне позвоните.

— Должен извиниться, — сказал Эллери, — я собирался позвонить вам, но рукопись доктора Уотсона попала ко мне в самое неудачное время. Я по уши погряз в собственной повести.

— Очень жаль.

— Это мне жаль, поверьте.

— Значит, у вас не было времени прочитать?

— Напротив, это был соблазн, против которого я не смог устоять, хотя сроки меня и поджимают. Правда, мне пришлось читать урывками. Остались еще две главы.

— Может быть, мистер Куин, подождать, пока вы не закончите собственную книгу?

— Нет, нет. Мои проблемы уже решены. Да я сам с нетерпением жду нашего разговора.

За спокойной, четкой дикцией, сдержанностью, самообладанием скрывалось — Эллери не мог ошибиться — сильное волнение.

— У вас не было никаких сомнений относительно подлинности рукописи, мистер Куин?

— Откровенно говоря, вначале, когда Грант принес мне ее, я подумал, что это подделка. Но вскоре я изменил мнение.

— Вы, наверное, сочли мой способ отправки рукописи эксцентричным?

— После того, как я прочитал первую главу, — сказал Эллери, — я все понял.

Старческий голос возразил.

— Мистер Куин, он этого не делал, он не был Потрошителем!

Эллери пытался успокоить ее.

— Прошло так много лет. Имеет ли это теперь значение?

— Несправедливость всегда имеет значение. Время многое стирает, но не все.

Эллери напомнил, что он еще не дочитал рукописи.

— И все же, мне кажется, что вы знаете…

— Я вижу, куда указует перст.

— И будет продолжать указывать до самого конца. Но это неправда, мистер Куин! На этот раз Шерлок Холмс ошибся.

— Но ведь рукопись так и не была опубликована…

— Это практически ничего не меняет, мистер Куин. Обвинение было известно, пятно осталось несмытым.

— Но что я могу сделать? Никто не может изменить вчерашний день.

— Рукопись — это единственное, что у меня есть, сэр! Рукопись и эта чудовищная ложь! Шерлок Холмс не безгрешен, как и всякий другой. Господь Бог оставил безгрешность себе одному. Истина должна быть скрыта где-то в самой рукописи, мистер Куин. Умоляю вас, найдите ее.

Телефон отключился, Эллери бросил трубку на рычаг и сердито посмотрел на него. Проклятое изобретение. Вот он, Эллери, неплохой малый, который делает добрые дела и внимателен к

своему отцу, так надо же — теперь эта история.

Он был склонен призвать чуму на голову Джона Уотсона, доктора медицины, и всех его восторженных биографов, но потом вздохнул, вспомнив дрожащий голос старой дамы, и снова принялся за чтение.

Глава 10
ТИГР ИЗ «АНГЕЛА И КОРОНЫ»

— Я искренне надеюсь, дружище, что вы примете мои извинения. — Эти слова Холмса были самыми приятными из всех, какие я от него слышал. Мы вышли на улицу и снова пробирались в тумане — в ту ночь в Уайтчэпеле кебов не было.

— Вы имели все основания негодовать, Холмс.

— Напротив. Я проявил непростительную раздражительность. Нельзя винить других в собственных ошибках. Те сведения, которые вы так легко получили у Полли, я должен был добыть сам давным-давно. По сути, вы доказали, что можете делать мое дело гораздо лучше, чем я сам.

— Я не могу принять такой комплимент, Холмс, — возразил я. — Мне и в голову не приходило, что Клейн — это то самое недостающее звено.

— Это объясняется тем, — сказал Холмс все так же великодушно, — что вы не направили свою проницательность в нужную сторону. Мы искали человека сильного, жестокого и беспощадного. Клейну присущи все эти черты. Правда, в Уайтч-

эпеле найдется много других, не менее порочных типов. И все же есть нечто, указывающее прямо на Клейна. Сейчас можно восстановить, что, очевидно, произошло. Клейн увидел в Майкле Осборне богатую добычу. Как Майкл, так и Анджела — люди слабовольные, и этот жестокий, властный человек без труда подчинил их себе. Именно Клейн подстроил позорный брак, который погубил Майкла Осборна.

— Но с какой целью?

— Шантаж, Уотсон! План провалился, когда в Майкле пробудилась лучшая сторона его натуры, и он отказался участвовать в грязной игре. И все же Клейн сумел выманить у молодого Осборна достаточно денег, чтобы купить «Ангел и корону».

— Но остается еще так много неясного, Холмс: Майкл, доведенный до нынешнего состояния, его жена Анджела, жестоко изуродованная, — нам еще предстоит ее разыскать.

— Все в свое время, Уотсон, все в свое время!..

Спокойная уверенность Холмса только увеличивала мое замешательство.

В это время мы вынырнули из сплошного тумана и очутились на небольшом островке видимости. Перед нами были ворота морга. Я содрогнулся.

— Неужели, Холмс, вы намереваетесь перенести тело той бедной девушки в «Ангел и корону»?

— Вряд ли, Уотсон, — сказал он рассеянно.

— Но вы упомянули о желании предъявить Клейну дело его рук.

— Это мы сделаем, обещаю вам.

Покачав головой, я последовал за Холмсом через морг в приют, где мы застали доктора Мэррея, перевязывавшего подбитый глаз пьянчуге, который, видимо, в каком-то трактире получил не только пинту пива, но и хорошую порцию тумаков.

— Майкл Осборн здесь? — спросил Холмс.

Доктор Мэррей выглядел измученным.

— Еще совсем недавно я не знал бы, кого вы имеете в виду…

— Пожалуйста, — прервал его Холмс, — время не терпит, доктор Мэррей. Я должен увести его с собой.

— Сейчас, так поздно?

— Произошли некоторые события, доктор. До зари Потрошитель должен быть пойман. И пора свести счеты с хищным зверем, который повинен в кровавой бойне в Уайтчэпеле.

Доктор Мэррей растерялся, как и я.

— Не понимаю. Не хотите ли вы сказать, сэр, что Потрошитель действует по наущению еще большего злодея?

— В известном смысле. Не видели ли вы инспектора Лестрейда?

— Он был здесь час назад. Вероятно, он бродит в тумане где-то поблизости.

— Скажите ему, если он вернется, что я в «Ангеле и короне».

— Но почему вы уводите Майкла Осборна?

— Чтобы устроить ему очную ставку с его женой, — нетерпеливо ответил Холмс. — Где же он? Мы тратим драгоценное время.

— Вы найдете его в маленькой комнатке с той стороны. Он там спит.

Мы нашли убогого, и Холмс осторожно разбудил его. В пустых глазах не мелькнуло ни проблеска понимания, но с доверчивостью ребенка Майкл поплелся за нами.

Туман так сгустился, что мы полностью зависели от поразительного умения Холмса ориентироваться. Эта ночь в Лондоне была какой-то особенно зловещей, и я ждал, что вот-вот острие ножа вонзится мне под ребро.

В то же время меня снедало любопытство. И я рискнул задать вопрос:

— Я полагаю, Холмс, вы рассчитываете найти Анджелу Осборн в «Ангеле и короне»?

— Уверен в этом.

— Но с какой целью вы решили свести ее с Майклом?

— Быть может, она не захочет говорить. Неожиданная встреча с мужем окажется шоком, который может развязать ей язык.

— Понятно, — сказал я не очень уверенно.

Наконец раздался голос Холмса:

— Здесь, Уотсон. Будем искать.

Сквозь туман можно было с трудом увидеть едва освещенное окно.

— Я хочу незаметно пройти в комнаты наверху, — сказал Холмс.

Мы обошли дом, двигаясь на ощупь. Ветер стал разгонять туман. Холмс зажег фонарь, который ему дали в приюте, и осветил заднюю дверь, служившую, вероятно, для доставки спиртного и бочонков с пивом. Он толкнул дверь, и мы вошли внутрь.

— Засов недавно сломан, — отметил Холмс.

Мы продвигались крадучись.

Сперва мы оказались в кладовке, куда доносился приглушенный шум из пивного зала. Очевидно, нас не заметили. Холмс быстро разыс-

кал лестницу, ведущую на второй этаж. Мы осторожно поднялись и очутились в конце едва освещенного коридора.

Полоска света падала из-за приоткрытой двери на носки наших ботинок, Холмс оттеснил нас к стене и постучал в дверь. В комнате послышалось быстрое движение, и женский голос спросил:

— Томми?

Рука Холмса, подобно змее, скользнула в дверь и зажала рот женщине, лицо которой находилось в тени.

— Не кричите, сударыня, — сказал он шепотом, но повелительно. — Мы не причиним вам вреда. Нам надо просто поговорить с вами. Я Шерлок Холмс. Я привел вашего мужа.

Я услышал судорожный вздох.

— Вы привели Майкла… сюда? Господи, зачем?

— Так надо было.

Холмс вошел в комнату и сделал знак, чтобы я следовал за ним. Держа за руку Майкла, я вошел.

В комнате горели две керосиновые лампы, и в их свете я увидел женщину, лицо которой было закрыто вуалью. Но тонкая сетка не могла полностью скрыть ужасный шрам. Это была Анджела Осборн.

При виде мужа она схватилась за подлокотник

кресла, в котором сидела, и приподнялась. Но тут же упала обратно и застыла, будто окаменела.

— Он не узнает меня, — прошептала она с отчаянием.

— Вы должны рассказать нам все, сударыня, — сказал Холмс. — Мы знаем, что Клейн виновен в том, что ваш муж находится в таком состоянии, так же, как и в вашем увечье. Расскажите, что же произошло в Париже?

Женщина стала ломать руки.

— Я не буду тратить время на то, чтобы искать для себя оправданий, сэр. Их нет. Как вы, наверное, поняли, я не из тех бедных девушек внизу, которые стали заниматься своей постыдной профессией от безысходной нищеты. Меня толкнул на этот путь Макс Клейн, зверь в образе человека.

Вы хотите знать, что произошло в Париже? Я отправилась туда потому, что Клейн заставил меня вступить в связь с богатым французским торговцем. Именно в это время я познакомилась с Майклом Осборном, он полюбил меня. Поверьте, сэр, у меня не было ни малейшего намерения опозорить его имя. Но когда Клейн приехал в Париж, ему пришло в голову использовать влюбленного юношу в своих целях. Наш брак был первым

звеном в его планах. Мы с Майклом поженились, хотя я со слезами умоляла Клейна отказаться от своей затеи. Речь шла о самом откровенном шантаже, мистер Холмс. Он расскажет обо всем герцогу Шайрскому, сказал Клейн, пригрозит, что все узнают, на ком женился его сын, и выставит меня напоказ всему свету, если его светлость откажется платить за молчание.

— Но этого так и не произошло, — сказал Холмс, пристально глядя на нее.

— Да, потому, что Майкл оказался более стойким, чем Клейн ожидал. Майкл грозил убить Клейна и даже пытался это сделать. Это была жуткая сцена! У Майкла не было никакого шанса — Клейн так силен! Он свалил Майкла одним ударом и страшно его избил. Вот Майкл и стал таким. Клейн убил бы его, если бы я не вмешалась. Тогда он схватил со стола нож и изуродовал мне лицо. Его ярость тут же прошла, иначе дело кончилось бы двумя убийствами.

— После того как он избил Майкла и искалечил вас, он не отказался от своих планов?

— Нет, мистер Холмс. Если бы это было так, я уверена, что Клейн оставил бы нас в Париже. Вместо этого, забрав довольно крупную сумму денег, он привез нас к себе в Уайтчэпел и купил

этот трактир.

— Значит, эти деньги не были получены путем шантажа?

— Нет. Герцог Шайрский был щедр к Майклу, пока не отрекся от него. Клейн обобрал Майкла до последнего пенса. Потом он запер нас здесь, в «Ангеле и короне», как в тюрьме, задумав, несомненно, еще какой-то бесчестный план.

— Вы сказали, что он привез вас к себе в Уайтчэпел, миссис Осборн, — сказал Холмс. — Это что, родные края Клейна?

— Да, он здесь родился. Он знает каждую улицу и переулок в этом районе. Здесь его все боятся. Мало найдется таких, кто рискнет рассердить его.

— А в чем состоял его план? Вам это известно?

— Шантаж, я уверена! Но что-то случилось, что помешало ему. Я так и не узнала, что это было. Однажды утром Клейн вошел ко мне в прекрасном настроении, сказал, что ему колоссально повезло, что Майкл ему больше не нужен и он намерен от него избавиться. Я молила его не убивать Майкла. Может быть, мне удалось зажечь искру человечности в сердце Клейна. Во всяком случае, он пожалел меня, как он выразился, и отвел Майкла в приют доктора Мэррея, зная, что Майкл совсем потерял память.

— В чем же так повезло Клейну, миссис Осборн?

— Я так и не узнала. Я спросила его, неужели герцог Шайрский согласился заплатить ему большую сумму денег. Он ударил меня и сказал, чтобы я не лезла в чужие дела.

— С тех пор вы пленница в этом доме?

— Добровольная пленница, мистер Холмс. Клейн действительно запретил мне выходить из этой комнаты, но мой подлинный тюремщик — мое изуродованное лицо.

Женщина опустила голову, покрытую вуалью.

— Это все, что я могу вам сказать.

— Не совсем все, сударыня.

— Что еще? — спросила она, подняв голову.

— Остается вопрос о наборе хирургических инструментов. А также о записке без подписи, которой лорда Карфакса уведомили о местонахождении его брата.

— Как видно, от вас ничего не утаишь! — воскликнула Анджела Осборн. — Кто вы — человек или дьявол? Если Клейн узнает, он убьет меня!

— Мы ваши друзья, сударыня. От нас он ничего не узнает. Как вы обнаружили, что инструменты заложены у Джозефа Бека?

— У меня есть друг. Он приходит сюда, рискуя

жизнью, чтобы поболтать со мной и выполнить мои поручения.

— Несомненно, это тот Томми, которого вы ждали, когда я постучал в дверь?

— Пожалуйста, не впутывайте его, мистер Холмс, прошу вас.

— Не вижу для этого никаких причин. Но я хочу знать о нем.

— Томми помогает иногда в приюте на Монтегю-стрит.

— Вы посылали его туда?

— Да, чтобы узнать хоть что-нибудь о Майкле. После того как Клейн отвел его в приют, я ускользнула тайком однажды вечером с большим риском для себя и опустила в почтовый ящик записку, о которой вы говорили. Я считала, что обязана сделать хотя бы такую малость для Майкла. Я была уверена, что Клейн никогда не узнает об этом.

— А хирургические инструменты?

— Томми подслушал, как Селли Янг обсуждала с доктором Мэрреем возможность заложить их. Мне пришло в голову, что это могло привлечь ваше внимание к Джеку Потрошителю. Я еще раз улизнула из дома, выкупила набор и отправила его вам по почте.

— А скальпель для вскрытия вы вынули нарочно?

— Да, я была уверена, что вы поймете. Но поскольку не было никаких слухов о том, что вы заинтересовались этим делом, я пришла в отчаяние и послала вам недостающий скальпель.

Холмс наклонился к ней. Его ястребиное лицо было предельно сосредоточено.

— Сударыня, когда вы решили, что Потрошитель — Макс Клейн?

Анджела Осборн стиснула руками лицо, покрытое вуалью, и простонала:

— О, я не знаю, не знаю!..

— Что побудило вас решить, что именно он злодей? — неумолимо повторил свой вопрос Холмс.

— Характер этих преступлений. Я не могу представить себе никого, кроме Клейна, кто был бы способен на такие зверства. Его буйный нрав, его страшные приступы ярости…

Нам не суждено было услышать еще что-либо от Анджелы Осборн. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Макс Клейн. Его лицо было искажено злобой, которую он, видимо, едва сдерживал. В руке он держал пистолет со взведенным курком.

— Если кто-нибудь шевельнет хоть пальцем, я

отправлю его в преисподнюю! — прорычал он.

Вне всякого сомнения, он так бы и поступил.

ЭЛЛЕРИ ПРОЩАЕТСЯ С ГРАНТОМ ЭЙМСОМ

Раздался звонок в дверь. Потом второй, третий. Но Эллери не пошевелился — он читал. Оторвался он от рукописи только когда закончил главу. Под дверь в прихожей была подсунута телеграмма:

«ДОРОГОЙ ДРУГ ВОСКЛ ГОНЯЯСЬ ЗА ШИПОМ ЗПТ ВАШ КУРЬЕР НАШЕЛ РОЗУ ТЧК РОЗЫСКАМИ ОН БОЛЬШЕ ЗАНИМАТЬСЯ НЕ БУДЕТ ТЧК ЕЕ ИМЯ РЕЙЧЕЛ ХЭГЕР ЗПТ НО ИМЯ НЕ МОЖЕТ ПЕРЕДАТЬ ЕЕ ОЧАРОВАНИЯ ТЧК ОНА ПОШЛА НА ТУ ВЕЧЕРИНКУ ТОЛЬКО РАДИ МЕНЯ ЗПТ МЕНЯ РАСПИРАЕТ ОТ ГОРДОСТИ ТЧК МЫ ПОЖЕНИМСЯ ТЧК ХОТИМ ИМЕТЬ МНОГО ДЕТЕЙ ТЧК ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ОТ НАС ОБОИХ ТЧК ГРАНТ»

— Слава Богу, от него я, кажется, избавился, — произнес Эллери вслух и вернулся к Шерлоку Холмсу.

Глава 11
ГИБЕЛЬ КАРФАКСА

Полагаю, что Холмс не побоялся бы пистолета Клейна, если бы следом за владельцем «Ангела и короны» в комнату миссис Осборн не ворвался человек, в котором я узнал одного из бандитов, нападавших на нас. Под дулами двух пистолетов Холмсу пришлось смириться.

Ярость Макса Клейна перешла в злобное торжество.

— Свяжи их, — приказал он своему подручному. — А тот, кто окажет сопротивление, получит пулю в лоб.

Бандит оторвал шнуры от штор и быстро связал Холмсу руки за спиной. Затем он так же поступил со мной.

— Посади-ка нашего дорогого доктора на тот стул и привяжи его к ножкам стула! — скомандовал Клейн. Так и не понимаю, почему он считал меня более опасным, чем Холмса. Отвага, которой наделил меня Господь, нередко вступает в конфликт с неудержимым желанием прожить все причитающиеся мне годы — вероятно, Клейн

этого не знал.

После того как подручный сделал все, что ему велели, Клейн повернулся к Холмсу.

— Уж не думали ли вы, мистер Холмс, что сможете проникнуть в мой дом незамеченным?

Холмс спокойно сказал:

— Любопытно, как вы меня обнаружили?

Клейн злорадно засмеялся.

— Один из моих работников выкатывал пустые бочки. Ничего сверхъестественного, мистер Холмс. Вот я вас и поймал.

— Поймать меня, как вы выражаетесь, — сказал Холмс, — и удержать — это совсем разные вещи, Клейн.

Мне было ясно, что Холмс пытается выгадать время. Но все было напрасно. Проверив, надежно ли я привязан, Клейн скомандовал:

— Вы пойдете со мной, мистер Холмс. Я займусь вами особо. И если вы ожидаете помощи снизу, то будете разочарованы. Я очистил зал: трактир на замке.

Его подручный бросил на Анджелу Осборн тревожный взгляд.

— А не опасно ли оставлять этого подонка с ней? Вдруг она его развяжет?

— Не посмеет! — Клейн снова засмеялся. — Если

не захочет расстаться со своей жалкой жизнью.

К несчастью, он оказался прав. После того как Холмса и Майкла увели, Анджела Осборн оказалась глуха ко всем уговорам. Я пустил в ход самое пылкое красноречие, но она только смотрела на меня с отчаянием и стонала:

— Нет, не могу, не смею!

Так прошло несколько самых долгих минут в моей жизни, в течение которых я тщетно пытался разорвать веревки и внушал себе, что Холмс еще найдет выход из безвыходного для всех других положения.

Но тут наступил самый страшный момент.

Дверь отворилась.

Кто вошел, я видеть не мог, и о вошедшем мог судить только по выражению лица Анджелы. На нем был написан ужас. Она вскочила с кресла. Соскользнула вуаль, обнажив шрам. Но еще сильней, чем этим увечьем, ее лицо было сейчас искажено страхом. Наконец из ее груди вырвался крик:

— Потрошитель! Господи, помилуй нас, это Джек Потрошитель!

Признаюсь со стыдом, что когда этот человек появился в поле моего зрения, первой моей реакцией было чувство облегчения. Увидев тон-

кую элегантную аристократическую фигуру в безупречном вечернем костюме и цилиндре, с наброшенной на плечи накидкой, я радостно воскликнул:

— Лорд Карфакс! Какое счастье, что вы пришли!

Минуту спустя я увидел в руке Карфакса блеснувший нож, и до меня дошла страшная истина. Он взглянул в мою сторону, но всего на миг, словно не узнавая. Он казался безумным.

Анджела Осборн не могла больше кричать. Она упала в кресло, застыв от ужаса. Потрошитель-аристократ кинулся на нее и разорвал ее платье. Она едва успела прошептать молитву, как лорд Карфакс погрузил нож в ее обнаженную грудь.

Когда Анджела упала, безумец схватил одну из керосиновых ламп и загасил ее. Его намерение не вызывало сомнений. Он метался по комнате, словно сам дьявол, вырвавшийся из преисподней, разбрызгивая керосин. Потом вышел в коридор и вскоре вернулся уже с пустой лампой — он швырнул ее на пол. Посыпались осколки стекла.

Затем он схватил другую лампу и с ее помощью зажег лужу керосина у своих ног.

Как ни странно, он явно не намеревался бежать. Даже в этот самый страшный момент моей

жизни я спрашивал себя: почему? Случилось так, что его безумие спасло меня и погубило его. В то время, как языки пламени взвивались вверх, он бросился ко мне. Я закрыл глаза и поручил свою душу творцу. Но вместо того чтобы убить меня, Карфакс разрезал связывавшие меня путы.

Он поставил меня на ноги и потащил сквозь пламя к ближайшему окну. Я пытался бороться с ним, но с силой маньяка он подталкивал меня к окну. Стекло вылетело.

В этот момент он прокричал, и этот крик до сих пор слышится мне в ночных кошмарах:

— Скажите всем, доктор Уотсон! Скажите им, что Джек Потрошитель — это лорд Карфакс.

Он вытолкнул меня из окна. Огонь охватил мою одежду, и помню, что, падая со второго этажа, я успел нелепо похлопать по ней, пытаясь потушить огонь. Мне показалось, что я услышал звук бегущих ног и погрузился в блаженное беспамятство…

Глава 12
КОНЕЦ ДЖЕКА ПОТРОШИТЕЛЯ

Первый, кого я увидел, был Радиард, мой друг, который временно взял на себя моих больных. Я находился в своей комнате на Бейкер-стрит.

— Чудом уцелели, Уотсон, — сказал он, щупая мой пульс.

Все случившееся сразу ожило в моей памяти.

— Как долго я спал, Радиард?

— Около двенадцати часов. Я дал вам успокоительное, когда вас принесли сюда.

— В каком я состоянии?

— Практически здоровы при данных обстоятельствах. Сломана лодыжка, растяжение в запястье. Ожоги, несомненно, болезненны, но поверхностны.

— А Холмс? Где он? Он не…

Радиард сделал знак головой, и я увидел Холмса, сидевшего по другую сторону моей кровати. Лицо его было обеспокоено, он был бледен, но как будто цел и невредим. Я испытал ни с чем не сравнимое чувство облегчения.

— Ну, мне пора идти, — сказал Радиард. И доба-

вил, обращаясь к Холмсу: — Проследите, чтобы он не слишком много говорил, мистер Холмс.

Радиард ушел, сказав, что вернется сменить мне перевязки, и снова предупредил, что я не должен переутомляться. Но, несмотря на боль и общее недомогание, я сгорал от любопытства. Да и Холмс, думаю, тоже, хотя он и беспокоился о моем состоянии. Поэтому я тут же начал рассказывать о том, что произошло после того, как Клейн увел за собой Холмса и Майкла.

Холмс согласно кивал головой, но я видел, что в нем идет тяжелая внутренняя борьба. Наконец он сказал:

— Боюсь, дружище, что это наше последнее совместное приключение.

— Почему вы так говорите?

— Потому что ваша милая жена никогда больше не вверит ваше благополучие в мои неумелые руки.

— Холмс! — возмутился я. — Я не ребенок.

Он покачал головой.

— Сейчас вам надо поспать.

— Вы знаете, что я не засну, пока не узнаю, как вам удалось вырваться от Клейна. Во сне я все время видел ваши искромсанные останки…

Я содрогнулся, а он положил свою руку на мою

с редким проявлением привязанности.

— У меня появился шанс, когда загорелась лестница, — сказал Холмс. — Клейн уже наводил на меня револьвер, как вдруг языки пламени устремились вниз. Он и его подручный погибли в огне под обломками рухнувшего здания — оно рассыпалось, как гнилушка, в одно мгновение: «Ангел и корона» теперь — груда развалин.

— Но вы, Холмс? Как же?..

Холмс улыбнулся и пожал плечами.

— Я никогда не сомневался, что смогу распутать веревку, — сказал он. — Вы же знаете, что я проделываю это весьма ловко. Единственное, чего мне недоставало, — это возможности хоть на секунду отвлечь внимание Клейна. Пожар дал мне эту секунду. К сожалению, мне не удалось спасти Майкла Осборна. Казалось, он был рад встретить смерть, бедняга, он сопротивлялся моим попыткам вытащить его. Фактически он сам бросился в огонь.

— Может быть, для него это лучший выход, — пробормотал я. — А это подлое чудовище, Джек Потрошитель?

Серые глаза Холмса затуманились печалью. Казалось, что его мысли где-то далеко.

— Лорд Карфакс — вы его имеете в виду? — тоже

умер. И, уверен, тоже по собственному желанию, как и его брат.

— Естественно. Он предпочел смерть в огне петле палача.

Мысли Холмса продолжали витать в неведомых далях. Потом он сказал тихо и торжественно:

— Уотсон, мы должны уважать решение благородного человека.

— Благородного? Вы, конечно, шутите? А, понимаю. Вы имеете в виду периоды просветления его сознания. А его отец, герцог Шайрский?

Холмс опустил голову на грудь.

— Герцог тоже покончил с собой.

— Ну, ясно. Он не смог перенести ошеломляющего разоблачения его старшего сына. Как вы об этом узнали, Холмс?

— С пожарища я отправился прямо в резиденцию герцога на Беркли-стрит в сопровождении Лестрейда. Мы опоздали. Он уже имел весть о лорде Карфаксе, после чего бросился грудью на меч, спрятанный в его трости.

— Смерть подлинного аристократа!

Холмс сделал едва заметное движение. Мне почудилось, что он кивнул. Он казался очень подавленным.

— Неудовлетворительное дело, Уотсон, более

чем неудовлетворительное, — сказал он. И замолчал.

Я почувствовал, что он хочет прекратить этот разговор, но я ни в коем случае не мог на это согласиться. Я забыл обо всех своих болезнях.

— Не понимаю, почему, Холмс. Потрошитель мертв.

— Да, мертв, — подтвердил Холмс. — Право, Уотсон, вам надо сейчас отдохнуть…

Он хотел было встать.

— Я не в состоянии отдыхать, — схитрил я, — до тех пор, пока все части головоломки не встанут на свои места.

Он покорно сел.

— Даже я могу проследить последовательность событий. Маньяк-Потрошитель, прикрывавшийся маской филантропа лорда Карфакса, не знал, где находятся Анджела Осборн и Макс Клейн. Я правильно рассуждаю?

Холмс не ответил.

— Когда вы обнаружили его логово, — продолжал я, — вы наверняка знали, кто он?

Холмс кивнул утвердительно.

— Мы с вами отправились в приют, где, очевидно, он видел и слышал нас, хотя мы его и не видели, или же пришел туда вскоре и узнал об

«Ангеле и короне» от доктора Мэррея, у которого не было никаких причин скрывать эти сведения. Лорд Карфакс пошел следом за нами, нашел ту же заднюю дверь, куда доставляют бочонки с пивом.

— Лорд Карфакс пришел раньше нас, — сказал Холмс отрывисто. — Помните, мы обнаружили, что засов недавно сломан?

— Поправка принята. Он, вероятно, двигался в тумане более уверенно, чем мы. Несомненно, мы спугнули его, когда он уже подкрадывался к Анджеле Осборн, которую избрал своей очередной жертвой. По всей вероятности, он притаился в коридоре, когда мы вошли в комнату миссис Осборн.

Холмс не оспаривал моих рассуждений.

— Потом, понимая, что вы выследили его, он решил закончить свою бесславную карьеру, бросив безумный вызов всему миру. Последние его слова, обращенные ко мне, были: «Скажите всем, доктор Уотсон, скажите им, что Джек Потрошитель — это лорд Карфакс!» Только маньяк мог желать такой славы.

Холмс встал с решительным видом.

— Во всяком случае, Уотсон, Джек Потрошитель не будет больше рыскать по ночам. А теперь,

поскольку мы слишком долго нарушали предписания вашего врача, я настаиваю на том, чтобы вы поспали.

С этими словами он покинул меня.

ЭЛЛЕРИ СОВЕРШАЕТ ВИЗИТ В ПРОШЛОЕ

Эллери задумчиво отложил рукопись доктора Уотсона. Он не слышал, как щелкнул замок, открылась и закрылась входная дверь.

Когда он поднял голову, в дверях кабинета стоял инспектор Куин.

— Отец!

— Привет, сынок, — сказал инспектор с вызывающей ухмылкой. — Больше не мог там выдержать. И вот прибыл.

— Добро пожаловать домой.

— Не сердишься?

— Ты и так выдержал там дольше, чем я мог надеяться.

Инспектор вошел, бросил шляпу на диван и с чувством облегчения повернулся к сыну. Вскоре на его лице выразилось беспокойство.

— Ты отвратительно выглядишь. Что случилось, Эллери?

— Я чувствую себя отлично.

— Не морочь мне голову. Твой роман все еще не клеится?

— Да нет, все идет хорошо.

Но старого инспектора не так легко было провести.

— Давай выкладывай, — сказал он.

Эллери пожал плечами.

— И зачем только я родился в семье полицейского! Ну, ладно, действительно кое-что случилось. Переплетение событий — прошлых и современных. Развязался старый узел…

— Говори понятней.

— Приходил Грант Эймс.

— Знаю, принес тебе рукопись от неизвестной дамы.

— Рукопись увлекла меня. А теперь я в это дело влип.

— Ничего не понимаю.

Эллери вздохнул.

— Наверное, чтоб ты понял, надо все тебе рассказать по порядку.

И он долго рассказывал.

— Вот такие дела, отец. Она твердо верит в его невиновность. Она пронесла эту веру через всю свою жизнь. Мне думается, она не знала, что предпринять, пока ей вдруг не пришло в голову прибегнуть к моей помощи. Надо же!

— И что ты намерен предпринять?

— Я как раз собирался нанести ей визит, когда ты явился.

— Думаю, ты прав! — Инспектор Куин встал и взял рукопись из рук Эллери. — Насколько я понимаю, сын, у тебя просто нет другого выхода.

Эллери поднялся.

— Почему бы тебе не прочитать все самому, пока я съезжу?

— Именно это я и собирался сделать.

Он поехал на север, в Уэстчестер, по шоссе № 22 до Сомерса. Миновал деревянного слона на главном перекрестке — напоминание о том, что некогда там целую зиму стоял цирк. Проезжая графство Патнам, он подумал о героях революции — ему хотелось надеяться, что они где-то на небесах в обители героев.

Но все это было так, попутно… Всерьез он думал о старой даме, к которой ехал. Это были безрадостные мысли.

Наконец он свернул на короткую въездную аллею, ведущую к аккуратному маленькому коттеджу, вышел из машины и нерешительно направился к входной двери. Не успел он постучать, как дверь открылась, словно старушка поджидала его. Он предпочел бы, чтобы ее не было дома.

— Дебора Осборн Спейн, — сказал он, глядя

на нее сверху вниз. — Не так ли? Здравствуйте, миссис Спейн.

Конечно, она была очень стара. По его расчетам, ей, наверное, было под девяносто. Но ей могло быть уже и больше девяноста. В рукописи ее возраст в тот день, когда Холмс и Уотсон посетили замок Шайрс, был назван приблизительно.

Как у многих очень старых дам, особенно маленького роста и полных, ее лицо напоминало привядшее яблоко с остатком легкого румянца. Только глаза оставались молодыми. Они были ясными, смотрели прямо, и в них непроизвольно вспыхивал огонек оживления.

— Заходите, пожалуйста, мистер Куин.

— Вы не хотите называть меня просто Эллери, миссис Спейн?

— Я никак не могу привыкнуть к этой манере, — сказала она, вводя его в уютную маленькую гостиную, обставленную очень старомодно. Эллери показалось, что он очутился в Англии XIX века. — Я имею в виду американскую привычку мгновенной фамильярности. Впрочем, садитесь на то моррисовское кресло, Эллери, — извольте, если вы так хотите.

— Хочу. — Он сел и осмотрелся. — Я вижу, вы сохранили верность прошлому.

Она тоже уселась в старинное кресло и, казалось, утонула в нем.

— А что еще осталось у старой англичанки? — спросила она со слабой улыбкой. — Я знаю, что это звучит, как отвратительная англофилия. Но так трудно оторваться от своего, родного. В общем, мне здесь вполне уютно. А поездки в Нью-Рошелл, которые я иногда предпринимаю, чтобы полюбоваться розами Рейчел, скрашивают мое существование.

— Значит, это была Рейчел?

— О, да. Она сделала это по моей просьбе.

— Рейчел Хэгер ваша родственница?

— Она моя внучка. Будем пить чай?

— Не сразу, если вы не возражаете, миссис Спейн, — сказал Эллери. — У меня накопилось столько вопросов. Но прежде всего, — он сел на кончик стула, чтобы не прикасаться к кружевной салфеточке на спинке. — Вы видели его! Вы были знакомы с обоими. С Холмсом. С Уотсоном. Как я вам завидую!

— Это было так давно… Но, конечно, я помню их. Взгляд мистера Холмса был острый, как меч. А сам он такой сдержанный. Когда я вложила свою руку в его, я почувствовала, что он растроган. Он был очень мил со мной. Они оба были настоящие

джентльмены. Это — самое главное. В те дни, Эллери, еще существовали джентльмены. Конечно, я была маленькой девочкой и вспоминаю их как каких-то гигантов. Наверное, в определенном смысле они такими и были.

— Позвольте вас спросить, как к вам попала рукопись?

— После того как доктор Уотсон написал ее, она перешла по желанию мистера Холмса к распорядителям состояния Осборнов. Она находилась в руках нашего адвоката, к моему счастью. Он преданно соблюдал мои интересы. Потом, когда я стала взрослой, уже незадолго до его смерти, он рассказал мне о рукописи. Я попросила отдать ее мне, и он мне ее прислал.

— Почему вы так долго ждали, миссис Спейн, прежде чем сделать то, что вы сделали?

— Не знаю, почему я ждала так долго, — сказала старая дама. — Мысль пригласить эксперта, чтобы подтвердить мое убеждение, никогда не принимала отчетливой формы, хотя и мелькала у меня в голове уже давно. В последнее время у меня появилось чувство, что надо спешить. Сколько еще я проживу? А мне хотелось бы умереть со спокойной душой.

В ее голосе слышалась скрытая мольба. И Элле-

ри захотелось ей помочь.

— Ваше решение послать мне рукопись проистекает из содержания самой рукописи, не так ли?

— Да, конечно, Эллери. А мистер Эймс признался Рейчел, что вы послали его на розыски.

— Розыски Гранта достигли цели, хотя не той, на которую я рассчитывал, — улыбнулся Эллери.

— Дай Бог счастья им обоим. Я знаю, что он ничем не помог вам, Эллери. Я знала и то, что рано или поздно вы разыщете меня, так же, как мистеру Холмсу не составило труда найти владельца набора хирургических инструментов. Но все же любопытно, как вы это сделали.

— Это было элементарно просто. С самого начала было ясно, что тот, кто послал рукопись, и сейчас имеет личную заинтересованность в этом давнем деле. Поэтому я позвонил по телефону моему другу, специалисту по генеалогии, который занимается историей старой английской аристократии. Он без труда проследил путь от замка Шайрс, где вы жили ребенком, до вашего переезда сюда, в сан-францисскую ветвь рода. Я знал фамилии четырех девушек, знакомых Гранта, и был уверен, что одна из этих фамилий должна где-то мелькнуть в генеалогическом древе

Шайрс-Осборн. От вашего брака с Барни Спейном в 1906 году мой эксперт добрался до брака вашей дочери. И вдруг, о чудо! Фамилия человека, за которого вышла замуж ваша дочь, — Хэгер, что и требовалось доказать! — Он взглянул на нее с беспокойством. — Вы утомились. Мы можем отложить разговор до другого раза.

— Нет, пожалуйста, продолжайте. Я чувствую себя хорошо. — Молодые глаза посмотрели на Эллери с мольбой. — Он был замечательный человек, мой отец. Добрый, мягкий. Он не мог быть тем, тем чудовищем. Не мог!

— Вы уверены, что вам не следует прилечь?

— Нет. Во всяком случае, пока вы не скажете мне…

— Тогда откиньтесь на спинку кресла. А я буду говорить.

Эллери взял старую, морщинистую руку в свою и начал говорить под тиканье старинных часов, стоявших в углу, и их маятник, как механический палец, стирал секунды с лица времени.

Маленькая, хрупкая рука в руке Эллери время от времени подавала знак пожатием. Потом она перестала шевелиться и неподвижно лежала в руке Эллери, как сухой осенний лист.

Спустя некоторое время портьера, закрывав-

шая вход в гостиную, шевельнулась, и вошла пожилая женщина в белом домашнем платье.

— Она заснула, — прошептал Эллери.

Он осторожно выпустил руку старой дамы и на цыпочках вышел из комнаты.

Женщина проводила его до двери.

— Я Сьюзен Бейтс. Я ухаживаю за ней. Она все чаще засыпает вот так.

Эллери кивнул и покинул коттедж. Он сел в машину и поехал обратно в Манхэттен, чувствуя себя усталым и постаревшим.

ДЕЛО ПОТРОШИТЕЛЯ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ДЖОНА Х. УОТСОНА 12 ЯНВАРЯ 1908 ГОДА

Я сердит на Холмса. Признаюсь, что, поскольку он длительное время находился за пределами Англии, я взял на себя смелость против его воли изложить свои заметки о деле Джека Потрошителя в форме повествования. Прошло уже двадцать лет. На протяжении девяти из них титул герцога Шайрского носит новый наследник — из младшей ветви семьи. Следует добавить, что он проводит самое незначительное время в Англии, и его нимало не заботят ни титул, ни его выдающаяся история.

Я, однако, пришел к убеждению, что настало время, чтобы весь мир узнал правду о деле Потрошителя, которое занимает столь выдающееся место, если можно так выразиться, в истории преступности, а также об усилиях Холмса положить конец кровавому господству чудовища в Уайтчэпеле.

По возвращении Холмса из-за границы я заговорил с ним об этом, выдвигая самые убедительные доводы, какие только мог найти. Но он и слушать не хотел.

— Нет, нет, Уотсон, пусть кости тлеют. Человечество не обогатится от опубликования этой истории.

— Но, Холмс! Весь этот труд…

— Сожалею, Уотсон. Но это — мое последнее слово.

— Тогда, — сказал я с плохо скрытым раздражением, — позвольте мне преподнести вам эту рукопись. Быть может, вы используете сию бумагу для раскуривания своей трубки.

— Я польщен, Уотсон, и растроган, — сказал он самым жизнерадостным тоном. — В качестве ответного дара позвольте передать вам подробности небольшого дельца, которое я только что довел до успешного завершения. Вы можете описать его в свойственной вам мелодраматической манере и немедля отдать вашим издателям. Оно касается американского моряка, которому почти удалось одурачить европейский финансовый синдикат яйцом мифической птицы Рух. Быть может, «Дело перуанского Синдбада» в какой-то мере компенсирует вам пережитое разочаро-

вание.

ЭЛЛЕРИ ОБЪЯСНЯЕТ

Эллери вернулся как раз вовремя. Инспектор Куин только что закончил чтение рукописи доктора Уотсона о Потрошителе и смотрел на нее с явным неудовольствием. Он перевел взгляд на Эллери.

— Ну и хорошо, что она не была опубликована. Холмс был прав.

— Я думаю так же. — Эллери подошел к бару. — Черт побери Гранта! Все выпил…

— Как у тебя обошлось?

— Лучше, чем я ожидал.

— Значит, ты лгал, как джентльмен. Молодец!

— Я не лгал. Я говорил только правду.

— Тогда, — сказал инспектор Куин холодно, — ты поступил по-свински. Дебора Осборн любила своего отца и верила в него. Она верит тебе. Ты что, не мог немного подтасовать карты?

— Мне не пришлось ничего «подтасовывать».

— Но почему же? Ведь она так стара…

— Потому, инспектор, — сказал Эллери, опускаясь в свое вращающееся кресло, — что отец Деборы, лорд Карфакс, не был Джеком Потроши-

телем. Она всегда была права насчет него. Она знала это, и я знал… А раньше нас знал об этом Шерлок Холмс…

Наступила длинная пауза, во время которой отец пытался понять сына, но так и не смог.

— Но ведь здесь все написано черным по белому, Эллери! — возмутился инспектор.

— Да, написано…

— Ричард Осборн, этот лорд Карфакс, был пойман с ножом в руке. Ведь Уотсон описал то, что видел собственными глазами.

Эллери встал, подошел к отцу, взял рукопись и вернулся с ней в свое кресло.

— Уотсон видел только то, что Холмс хотел, чтобы он видел, не больше. Каждое слово Холмса он превращал в фетиш. А весь фокус в том, что в этом деле не так важны слова Холмса, как его молчание.

— Молчание?

— Вот именно. Холмс ни разу не сказал, что Потрошитель — Карфакс.

Эллери полистал старую тетрадь.

— А неужели, отец, ты не заметил непоследовательностей и в истории с шантажом?

— С шантажом? Погоди-ка…

— Давай вспомним, как развивались события.

Макс Клейн решил, что брак Майкла Осборна и Анджелы окажется для него прекрасной возможностью шантажа. Учитывая, насколько герцог Шайрский дорожил своим именем, Клейн, со своей точки зрения, рассуждал логично. Но план не сработал. О браке стало широко известно.

— Да, Клейн признался Анджеле, что его план провалился.

— Не совсем. Он сказал ей уже после того, как привез эту чету обратно в Лондон, что нашел новый, более сильный козырь. Клейн утратил всякий интерес к Майклу и Анджеле после того, как открыл новое оружие, очевидно, более действенное, чем позорный брак Майкла.

— И что же?

— Ну, подумай. Какой важный секрет узнал Клейн?

— Кто — Джек Потрошитель, — медленно сказал инспектор. — Узнать это мог именно такой человек, как Клейн, который досконально знал Уайтчэпел и его обитателей…

— Конечно, отец. Так оно и должно было случиться. А зная, кто Потрошитель, Клейн мог разбогатеть, шантажируя…

— Лорда Карфакса…

— Да нет же, отец. Только в тот вечер Карфакс

узнал, что Клейн и Анджела живут в «Ангеле и короне»!

— Но Карфакс убил Анджелу, а не Клейна.

— Лишнее доказательство, что сам он не был жертвой шантажа. Он ошибочно считал жену брата той злой силой, которая навлекла несчастье на Осборнов. Вот почему он убил ее. И сам приговорил себя за это преступление к смерти.

— Но этого всего недостаточно, чтобы обосновать…

— Тогда поищем еще кое-что. Проследим за Холмсом и Уотсоном в ту ночь. Ты уже знаешь, что якобы произошло. Попробуем понять, что же было на самом деле.

В ту ночь два человека шли по следу Потрошителя — Шерлок Холмс и лорд Карфакс. Я уверен, что у Карфакса уже были подозрения…

— Какие данные подтверждают, что Карфакс тоже шел по следу Потрошителя?

— Я рад, что ты задал этот вопрос, — сказал Эллери. — Выбежав из заведения мадам Леоны, Холмс начал последний этап своих поисков. Он и Уотсон добрались до комнаты в Пакэне.

— И Холмс сказал: «Если это логово Потрошителя, то он бежал».

— Нет, не Холмс, это сказал Уотсон. Холмс вос-

кликнул: «Кто-то побывал здесь до нас!» Между этими двумя заявлениями — огромная разница. Первое — замечание романтика. Другое — вывод практического человека, привыкшего запечатлевать место действия с фотографической точностью.

— Логично, — признал Куин-старший.

— Это существенный момент. Но есть и другие.

— То, что и Холмс и лорд Карфакс почти одновременно нашли логово Джека Потрошителя?

— А также, что Карфакс видел, как Холмс и Уотсон вошли в Пакэн. Он ждал на улице и последовал за ними, когда они вышли оттуда. Иначе и не могло быть.

— Почему?

— Для того чтобы Карфакс мог поступить так, как он поступил, ему необходимо было знать две вещи: кто Потрошитель (это он уже узнал в Пакэне) и где он может найти Анджелу и Клейна, — это он узнал, последовав за Холмсом.

Инспектор Куин встал, забрал у Эллери рукопись, полистал ее и прочел: «А это подлое чудовище — Джек Потрошитель?» Уотсон задал Холмсу этот вопрос. Холмс ответил: «Лорд Карфакс тоже умер…»

— Погоди, — сказал Эллери. — Не выхватывай

из контекста. Прочти всю цитату.

— Цитирую: «Серые глаза Холмса затуманились печалью. Казалось, его мысли где-то далеко. — Лорд Карфакс — вы его имеете в виду? — тоже умер. И, уверен, тоже по собственному желанию, как и его брат».

— Вот это лучше. Теперь скажи мне, опечалила бы Холмса смерть Джека Потрошителя?

Инспектор Куин покачал головой и продолжал читать: «Естественно. Он предпочел смерть в огне петле палача».

— Это снова слова Уотсона, а не Холмса. А Холмс сказал: «Мы должны уважать решение благородного человека».

— На что Уотсон возразил: «Благородного? Вы, конечно, шутите? А, понимаю. Вы имеете в виду периоды просветления его сознания. А герцог Шайрский?»

Уотсон сделал неправильные выводы из слов Холмса. А Холмс не счел нужным его разуверять — вот в чем дело! Процитируем Холмса еще раз: «С пожарища я отправился прямо в резиденцию герцога на Беркли-стрит в сопровождении Лестрейда. Мы опоздали. Он уже имел весть о лорде Карфаксе, после чего бросился грудью на меч, спрятанный в его трости…»

— И Уотсон воскликнул: «Смерть подлинного аристократа!»

— Опять-таки Уотсон был сбит с толку своим собственным предвзятым мнением и непониманием нарочито туманных формулировок Холмса. Послушай, отец! Когда Холмс (вместе с Лестрейдом, заметь!) приехал в городской дом герцога Шайрского, он застал герцога мертвым. Но как мог герцог уже иметь весть о самоубийстве Карфакса? Не мог. И дело совсем не в этом. А в том, что это его, герцога, выследил лорд Карфакс в Пакэне! Между отцом и сыном, безусловно, произошло бурное объяснение. После чего герцог поехал домой и покончил с собой. Потому что это «его светлость», герцог Шайрский, был Джеком Потрошителем. А лорд Карфакс, узнавший об этом, взял вину на себя, чтобы спасти репутацию отца!

— Теперь ты прав, — мягко сказал Эллери. — Вспомни также, о чем Карфакс просил Уотсона: сказать всем, что Джек Потрошитель — это он. Он хотел быть абсолютно уверенным в том, что вина падет на него, а не на его отца.

— Тогда Холмс поступил мудро, — прошептал инспектор Куин. — Он не захотел выдать секрет Карфакса, не захотел, чтобы его жертва оказалась напрасной.

— И вера Деборы в своего отца подтвердилась через три четверти столетия.

— Поразительно!

Эллери взял рукопись доктора Уотсона и снова раскрыл ее на заключительной записи.

— «Дело перуанского Синдбада», — пробормотал он. — Что-то о яйце мифической птицы Рух… — В глазах его блеснул озорной огонек. — Отец, ты не думаешь, что Холмс мог мистифицировать Уотсона и на этот раз?